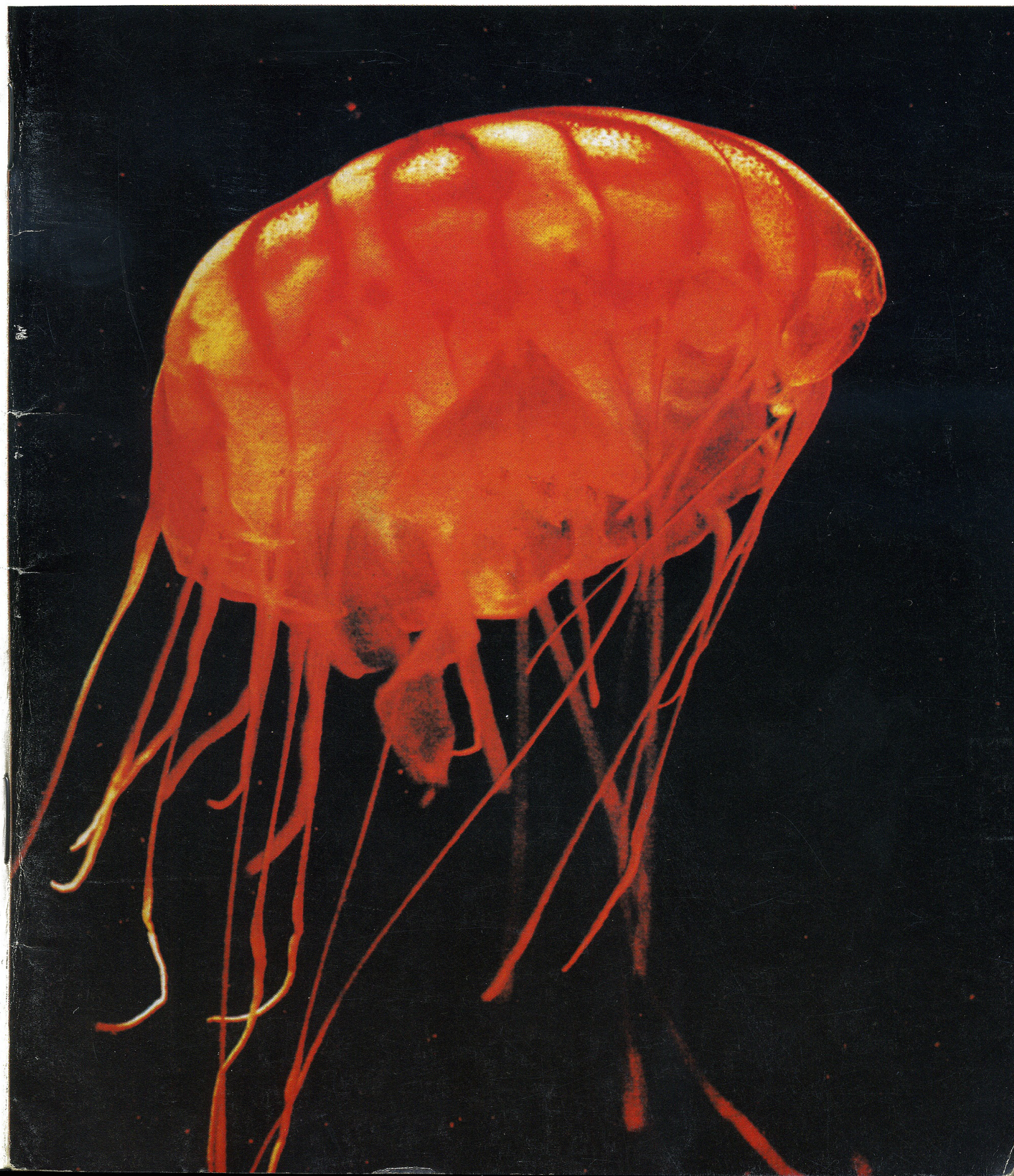

Юный Натуралист

ISSN 0205-5767

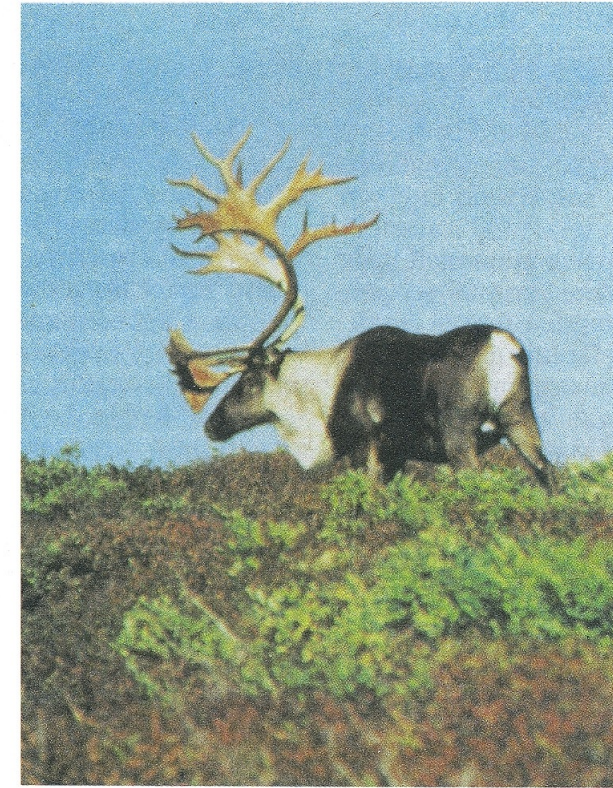
1998

10

КАРИБУ

Карибу — американское название северного оленя и происходит оно от «ксалибу» индейцев-мигмаков, что означает «разгребающий снег».

На протяжении тысячелетий северный олень был и остается главным кормильцем и средством передвижения жителей Крайнего Севера. Это животное дает че-

Рожки у молодых оленей начинают появляться к третьей неделе. Похожи они на чуть изогнутые спицы и лишь к пяти годам рога карибу достигают своего великолетия.

Особое пристрастие северных оленей к лишайникам позволяет этим животным обитать даже там, где другие копытные жить не могут.

ловеку мясо, молоко, шкуру для одежды, обуви, рукавиц. Из рогов и костей изготавливают остроги и крючки для рыбной ловли, мастерят всевозможные поделки, пуговицы. Выделанными на дыму кожами обшивают палатки и укрываются вместо одеял. Из костей вытапливают жир. Сухожилия прежде использовали вместо ниток. Из неокостеневших молодых ро-

**Юный
Натуралист 10**

1998

Научно-популярный иллюстрированный детский и юношеский журнал. Выходит один раз в месяц. Журнал основан в 1928 году.

гов — пантов приготавливают лекарства от многих тяжелых недугов.

Самый древний в мире олений рог нашли вблизи Веймара. Он насчитывает 600 тысяч лет. Около 50 миллионов лет назад жило небольшое копытное — архимерикс. Оно было безрогим, но с клыками. Такими же, как у кабарги и мунтжака. Вот от этих зверей, возможно, и ведут свое начало олени.

Распространены северные олени в лесах и болотах тундровой и таежной зон, на арктических островах Евразии и Северной Америки. Самое удивительное в этих животных — способность стойко переносить морозы, добывать корм из-под глубокого снега, не проваливаясь ходить по снегу и по топким болотам.

В отличие от других видов оленей у их северных собратьев рога не только у самцов, но и у самок. Туловище и шея удлиненные. Ноги короткие, так же как и хвост. Его длина всего 13 сантиметров. Узкая голова заканчивается тупой мордой. Длина рогача 2 метра, высота 1,5 метра. Весит он 100—220 килограммов. Шею украшает грива. В морозы ангина оленю не страш-

Летом карибу пасутся в арктических и мохово-лишайниковых тундрах. Особенно привлекают этих животных места с оврагами и озерами, богатые травяной растительностью.

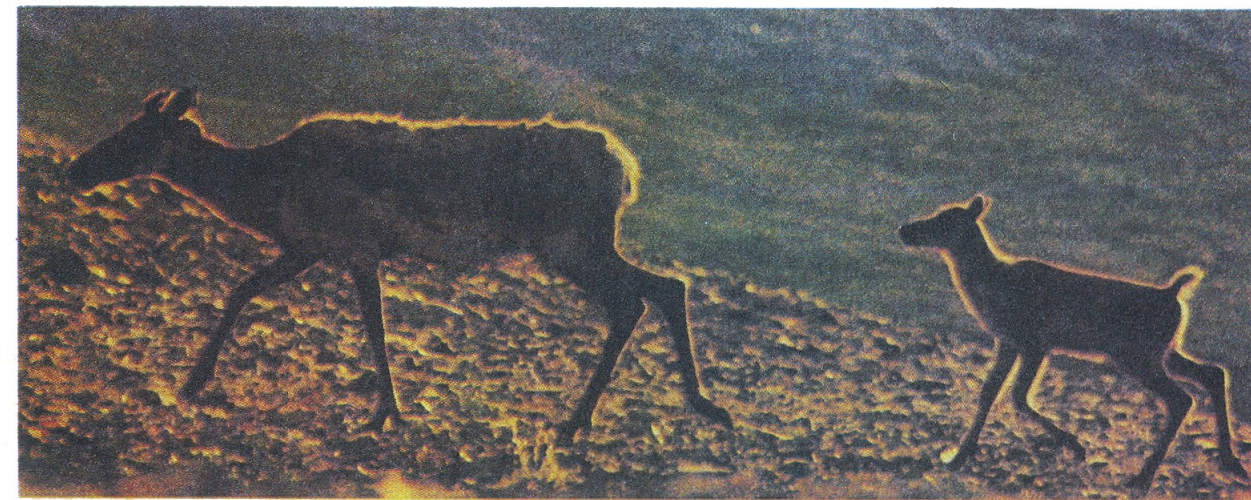

на. Шерсть его густая и мягкая, особенно зимой. К тому же длинные волосы особенные: в них много воздушных пустот. Поэтому они очень легкие и ломкие. Между нежными извитыми волосами подшерстка также есть воздух. Олень одет как бы в двойную, очень теплую шубу, которая и на плаву держит, как надувной костюм. Летняя шерсть много короче и мягче. Цвет ее меняется в течение года. Весной богатый зимний мех выпадает, а вместо него появляется короткий одноцветный, серый. К осени прорастают белые волосы, придавая вид благородной седины.

Осенью олени уходят из тундры на юг, в тайгу, а весной большими стадами возвращаются обратно.

Плавают эти животные отлично. Им ничего не стоит переплыть такие большие реки, как Енисей и морские проливы шириной в несколько километров. Во время таких марш-бросков спины и хвосты оленей не намокают.

Рога оленя — признак силы и мужества. Они ветвисты и изогнуты дугой, на концах расширены в виде лопаток. Длина рогов взрослого самца метр. Левый рог обычно немного больше правого. Расстояние между крайними ветвями рога 70 сантиметров. Рога самок меньше. Самец сбрасывает их еще вполне приличными после гона осенью и до весны ходит безрогим. Важенка, как называют самку северного

В мае — июне, в первые дни после отела, самки северного оленя теряют рога.

оленя, теряет рога лишь после отела, в мае.

К гону у самца они еще не твердые, а у слишком дряхлого превращаются в нелепую костистую массу, свисающую на глаза. Растут рога весной по сантиметру в день в течение нескольких месяцев. Вначале они мягкие, насыщенные кровью на радость комарам, покрыты шерстью и очень чувствительны. Их легко изуродовать, задев за твердое. Трудное для рогоносцев время. За лето рога твердеют. Олень трется ими о стволы деревьев, чтобы сбросить кожу.

Замечательны и копыта животного. В роговых «башмаках» все четыре пальца, причем на боковых пальцах «башмаки» длинные и касаются земли. У других видов оленей они расположены высоко над землей. На средних пальцах роговые чехлы необычайно широки и изогнуты в виде совка, что помогает разгребать снег. Зимой копыта разрастаются и становятся еще шире. Когда олень ставит ногу на землю, они раздвигаются, а когда поднимает, слышится стук сдвигающихся половинок. Звук этот напоминает треск или пощелкивание. На снегу или топкой почве расходятся настолько, что превращаются в своего рода «снегоступы» или «болотоходы». Между пальцами растут пучки длинных жестких волос. Поэтому ноги их не скользят и опора увеличивается. Края копыт очень острые.

Различают тундровых и лесных оленей. Лесные, как правило, более крупные, держатся небольшими группами, живут оседло или совершают недалекие перекочевки на расстояние всего 500—600 кило-

метров. Они темнее тундровых и ноги у них длиннее. Тундровые объединяются подчас в громадные стада и мигрируют на значительные расстояния. Верховодит всеми старый опытный самец. Но случилось видеть во главе стада и оленуху. Лесной олень считается самым быстрым и выносливым из четвероногих бегунов севера.

Как только подует холодный северный ветер и принесет ледяной колючий снег, начинается поход в горы и леса. Идут проторенными за века путями. Поднимаются в высокогорья, где меньше снега. Если зима не торопится, то и переход медленный, но порой за сутки проходят больше сотни верст. Передвигаются всегда против ветра. Он защищает их от мошкар, помогает вовремя заметить опасность и предохраняет от потери тепла. Считают, что олени хорошо предсказывают погоду, меняя направление движения за 2—3 дня до ее изменения. Если вдруг случится в пути оттепель, то этот день уходит на отдых и кормежку, а ночью, когда снег покроется коркой, звери отправляются в путь.

Летом олени кормятся травой, листьями кустарников, разными растениями и грибами, до которых они большие охотники. Однако 9 месяцев в году питаются в основном ягелем — оленьим мохом. Обьедают растущие на деревьях бородачатые лишайники.

Великолепное обоняние позволяет оленям легко находить ягель под снегом толщиной до метра. Они тыкаются мордой в снег, будто изучая место, и, почуяв нужный запах, копают его передними копытами. За 20 минут работы им удается вырыть внушительную яму — до 5 квадратных метров. У кормящегося животного бывает видна лишь спина. Зимой, когда самец безро-

гий, самка, пользуясь своим преимуществом, рогами оттесняет его в сторону от лунки, чтобы полакомиться за чужой счет. А свою лунку загораживает пышными рогами так, что к ней не подступиться.

Однако у оленя проявляются и «хищные» наклонности. Он не упустит случая поймать и проглотить лемминга, рыбу, мышь. Обнаружив птичье гнездо, съест яйца или птенцов. Нередко можно видеть, как он охотится за куропатками. Осторожно подбирается к птице и уверенным, прицельным ударом копыт убивает ее. Затем очень долго перекалывает с одной стороны рта на другую, пережевывая ее целиком, вместе с перьями.

Северные олени на диво приспособлены к суровым зимам. Но бывают такие трескучие морозы, что и мех не спасает, и они гибнут. Глубокий снег помогает спастись от холода. Они намеренно дают пороше себя засыпать. Но снег — жестокий враг, если слой его больше 80 сантиметров. Ни пропитания не достать, ни убежать, когда это необходимо. В такую пору стараются больше лежать, чтобы не расходо-

Рога у северных оленей есть как у самок, так и у самцов. Этим они отличаются от других оленей, у которых самки безроги.

Такое заметное пятно у оленя на крупе называется «зеркало». Оно помогает малышам следовать за мамашами и не терять их из виду. Но имеет ли «зеркало» такой же смысл у карibu, которые пасутся большими стадами?

вать зря энергию. Потерю тепла олень уменьшает за счет слабого кровообращения в ногах. Они у него не мерзнут благодаря особым свойствам подкожного жира.

Особенно нравится оленям отдыхать на льду озер. Здесь порой собирается до сотни животных и они чувствуют себя в безопасности даже в метель. Отдых на льду в большом стаде помогает скорее обнаружить хищника и убежать от погони.

Дикий олень — большой любитель полежать. Он отдается сну всецело и временами впадает чуть ли не в бессознательное состояние. У финнов сохранилась старая поговорка о старике на печи, распластавшемся, будто сонный олень. В блаженстве зверь не ощущает ни сырости, ни холода и может так отдыхать почти круглые сутки с перерывом в 2—3 часа.

К погодным неприятностям следует добавить еще и такие напасти, как комары, мошка и прочие кровососы. Летом они тучами вьются над оленями. В жару звери, чтобы избавиться от назойливых насекомых, бегают взад-вперед по тропам. Поднимаются на высоты, обдуваемые ветром. Пасутся возле снежников, где комарам холодно. Мало у оленя потовых желез. Вот и ходит он, высунув язык, как собака, чтобы остудить себя испарением влаги. Американские карibu летом предпочитают отдыхать на снегу в горах.

Олени чутко реагируют на поведение сородичей в стаде. Достаточно одному из них лечь или встать с лежки, как другие сразу же следуют его примеру. При малейшей опасности удирают. Еще в начале века американские зоологи заметили, что карibu, испугавшись, делает на земле какой-то знак, предупреждающий об опасности всех приходящих на это место сородичей. Подпрыгивая, он оставляет «весть» об этом — чуточку секрета из-под растопыряющихся задних копыт. Когда на это место приходит другой олень, он уже предупрежден, хотя не видит ни самой опасности, ни осведомителя.

Окончание следует

Н. РАДАЕВА
Фото Ю. Артюхина

Рис. В. Бухарева

Здравствуйтесь, ребята!

Листопад в октябре. Тихо-тихо в лесу. Птиц не слышно, не считая редкого стрекота сорок и столь же редкого крика сойки. Ни мух, ни комаров. Из грибов кое-где прячется чернушка да сверкнет припозднившаяся сыроежка. День солнечный, а в лесу прохладно. Вокруг розовые бересклеты, желтые березы. Горит-разгорается на полянке золотистый клен. К темной могучей ели приклонилась багряная рябинка. А на осине — все цвета радуги: от ярко-красного до темно-фиолетового. Хорошо в лесу в эту пору!

Яркая осенняя окраска листьев — признак угасания. Об этом рассказывает биолог Елена Матвеевна Иванова.

НАВСТРЕЧУ ЗИМНЕЙ ЗАСУХЕ

Как это ни странно на первый взгляд, но, сбрасывая осенью листья, дерево готовится к так называемой зимней засухе.

Каждому дереву, и особенно листвен-

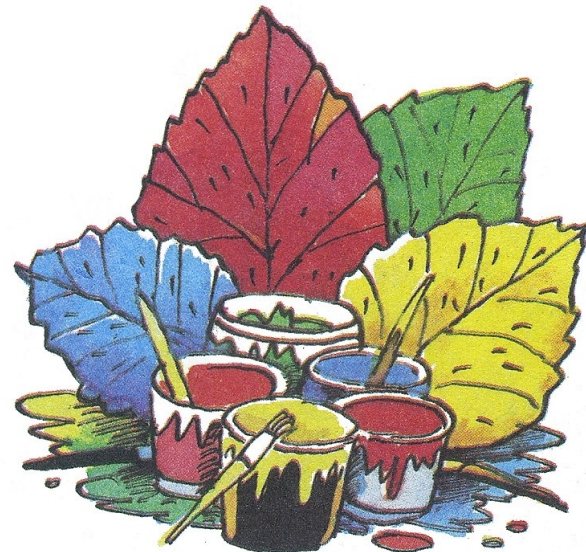
ному, для хорошего роста и развития летом требуется очень много воды. Например, средней величины береза выпивает за весенне-летние месяцы около семи тонн! А где взять зимой эти самые семь тонн воды? Негде! Вот дерево и сбрасывает листья, чтобы не испарять влагу.

Подует легкий ветерок — летят разноцветные листочки сверху вниз, кружатся, искрятся. Впрочем, и без ветра, в самую тихую погоду осенние листья легко срываются и бесшумно падают.

Почему же лист отделяется от дерева, не оставляя никакой ранки на ветке? Да потому, что дерево готовится к периоду осеннего листопада.

Уже в августе на дереве идут физиологические процессы подготовки к зиме, в том числе — образование так называемого отделяющего пробкового слоя в черешках листьев.

Давайте посмотрим на черешок зеленого древесного листа. У его основания, там, где он прикреплен к ветке, заметно утолщение. Это — листовая подушечка. Она крепко держит лист — летом его трудно оторвать от ветки. А ближе к осени дерево создает в основании листовой подушечки пробковый слой. Он нарастает, как перегородка. Сквозь пробковую перегородку от черешка к ветке тянутся несколько сосудистых пучков. Они тонюсенькие, словно волосинки. На них-то и держится в последние осенние дни багряный или золотистый лист. Подует ветер, волосинки обрываются, лист падает. Но часто волосинки обрываются и без ветра, от тяжести нескольких капелек воды. И листья бесшумно летят и летят на землю.

Но почему же, прежде чем слететь с дерева, листья изменяют окраску?

Это явление давно объяснил великий физиолог растений Климентий Аркадьевич Тимирязев.

Зеленое растение богато хлорофиллом. Это вещество придает листьям зеленую окраску. Хлорофилл, который само же растение и строит при помощи солнечной энергии, образуется в листе только на свету, при ярком солнце, когда на землю в избытке падают его благодатные лучи. На свету же хлорофилл быстро разрушается.

Летом образование хлорофилла и его разрушение идет непрерывно. А когда приходит осень, солнце светит мало — жизнь в растении замедляется, замены разрушаемого на свету зеленого хлорофилла не происходит. И на поверхности листьев выступают другие красящие вещества — антоцианы и каротиноиды.

Золотистые, желтые, оранжевые осенние листья обязаны своим цветом каротиноидам. Антоцианы окрашивают листья в другие краски — от розового, ярко-красного до темно-фиолетового.

Красящие антоцианы и каротиноиды есть во многих растениях. И не только в листьях. Те же самые антоцианы весной и летом окрашивают лепестки медуницы в густой лиловый цвет, венчики незабудки — в нежно-лазурный, а васильки — в ярко-синий.

Яша Шмаков спрашивает: «Почему бобра считают умным зверем? Какими необыкновенными качествами и поступками он славится?»

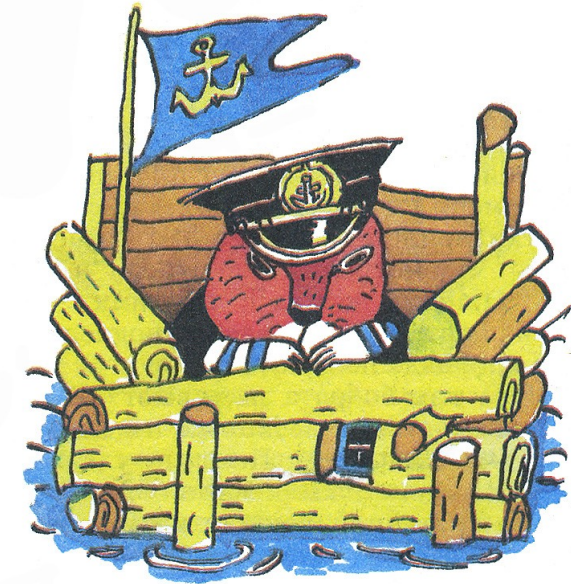
У бобра много славных качеств и разумных поступков. О них рассказывает писательница Татьяна Васильевна Рождественская.

БОБЕР С УМНОЙ ГОЛОВОЙ

Бобер так хорошо и уверенно чувствует себя в воде, что многие дразнят его: бобер с умной головой по прозванию Водяной.

Бобер на это нисколько не обижается, потому что действительно очень неохотно покидает водяное царство. Но что делать! Нужда заставляет.

Древесину на пропитание запasti нужно? Нужно! И бобер запасает: осину, то-

поль, иву, ольху. Притащит и затопит, затолкнет где-нибудь рядом с норой.

Если бы только о еде приходилось думать! Нужно еще дом обиходить.

А дом свой бобер делает с размахом, даже шиком. Такой высоты-ширины, что два взрослых человека могут поместиться. Вход в дом-нору должен быть под водой. Сама же нора находится выше уровня воды. Если ручей или речка обмелеют и вход в жилище обнажится, бобры незамедлительно начинают строить плотину. Сделают плотину-запруду — вход в нору опять вода закроет. Но бобру этого мало! Он строит домики прямо посередине запруды. Из веток, глины, щепок, камней. Сядет на такую башенку и осматривает свои владения. И никакой враг не достанет его среди водяного царства. Ах, какой он работяга!

Но и красавец тоже. По-своему! Ходит по берегу вразвалочку, эдаким крепышом-мужичком. Весь в трудах да в заботах. Построит плотину и опять покоя не знает. Ходит озабоченный, хмурый: нет ли где прорехи. Если есть, тотчас веток натаскает, земли, глины, прутьев и все тщательно заделает.

А уж в воде нет ему равных! Один хвост чего стоит. Не хвост, а мощное весло! Задние лапы у бобра с перепонкой. Пловец он отменный. Передние лапы коротенькие и заканчиваются острыми когтями. Плавая, ловко отталкивается сжатыми кулачками. Да! Еще одна, просто космическая деталь! Когда бобер погружается в воду, все отверстия в его теле автоматически задриваются. Совсем как в подводной лодке или космическом корабле.

Глаза закрываются специальной пленкой, вполне сравнимой с контактными линзами.

Наконец бобры успокоились, потому что создали для себя все, о чем может мечтать водяной житель. Но вокруг плотины тоже все изменилось. На затопленные водой участки прилетели насекомые, зачастили птицы. Посмотрели, посмотрели и остались. Пришла лосиха с лосятами — водички попить, сочной зеленью подкормиться, в прохладе полежать.

Ну а как бобрята поживают? Рождаются они весной и несколько недель остаются с мамой в хатке. Потом не удержат! Куда мама — туда и бобрята. Сядут ей на спинку и катаются, как на живом корабле.

Солнце, вода и зеленые водоросли. И лягушки квакают, птицы кричат. И лоси шумно пьют воду, а потом фыркают, шевелят ноздрями и вздыхают.

Одна бобриня семья создала вокруг себя настоящий сказочный мир. Живите, звери, и не обижайте друг друга!

Юный орнитолог Коля Чибисов рассказывает: «Это было в июне. Мы с моим дядей Яковом Васильевичем нашли в речной пойме гнездо трясогузки, в котором рос кукушонок. Я видел в бинокль, как маленькая длиннохвостая птичка приносила в клюве червяков и кормила чужого птенца. Мой дядя Яша говорит, что кукушата кормят многие птицы».

Так оно и есть. Под Москвой кукушата нередко выкармливают и трясогузки, и коньки, и зарянки. Орнитологи подсчитали, что кукушонка на правах воспитанника можно встретить в гнездах около 150 видов птиц, почти у любой певчей птахи. Каждая кормит приемыша, как самого любимого родного. Дело в том, что кормление птенцов — один из важнейших инстинктов птицы, ее жизненная обязанность. Родной ли, чужой ли птенец в гнезде — птица об этом не думает. Как услышит крик голодного малыша, как увидит раскрытый ротик — а у кукушонка ротик огого какой широкий! — изо всех сил мчится поскорей раздобывать еду. Ну а кукушонок, как любое избалованное дитя, без стеснения пользуется самоотверженностью приемных родителей. Даже после того, как вылетит из гнезда, он еще месяц или полтора продолжает выпра-

шивать корм, и не только у приемных родителей. Об этом рассказывает старший научный сотрудник Амурдальского заповедника Надежда Сергеевна Соколова.

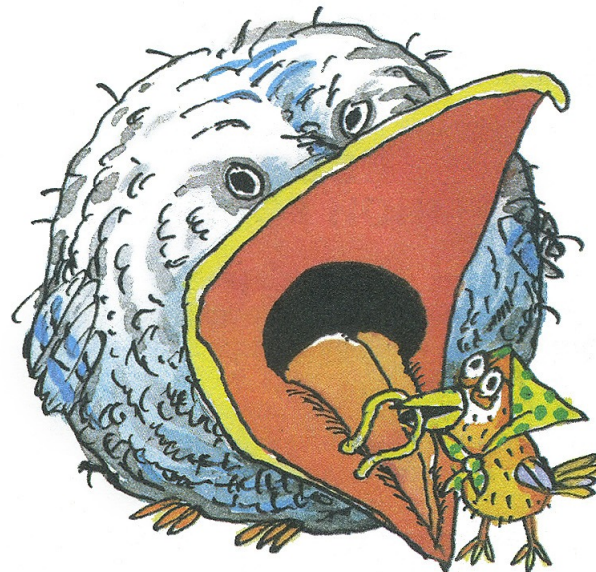
СИРОТИНКА

За окном кричала незнакомая птица. Такого звука я раньше не слышала: резкий полукрик, полуписк, затем пауза — и опять крик. И так монотонно, не переставая, минут пять. В конце концов любопытство перебороло мою утреннюю лень. Я встала с постели и вышла во двор.

Крик раздавался с огорода — с ближайшего карагача. Какая-то птица явно хотела привлечь к себе внимание. Скорее всего, это был птенец.

Внимательно осматриваю дерево: по веткам шныряют обычные городские жители — майны, воробьи, присела отдохнуть малая горлица. Вдруг мой взгляд наткнулся на довольно крупную, размером с голубя, птицу. Как только раздавался крик, именно у этой птицы трепетали крылья, трясся хвост, значит, кричит она.

Посмотрела в бинокль. Густая зелень резко метнулась к глазам. Выше... еще чуть выше. Наконец-то и она! Крупная, больше горлицы. Ну и птеник! В это время он повернулся боком, и я увидела поперечные пестрины на животе и боках. Кукушонок! Залетный гость явно требовал, чтобы его накормили: тряс крыльями, дергал хвостом и широко раскрывал клюв. Где же его приемная мама? А вот и она: между зелеными ветвями прыгала в поис-

ках корма небольшая серенькая птичка — камышевка. Так и есть: камышевка подлетела к своему великовозрастному дитяте (он в несколько раз больше своей мамы) и положила в широко разинутый клюв то, что удалось собрать. Птенец мгновенно проглотил добычу и продолжал требовательно кричать. Маленькая мамаша вновь заметалась по веткам.

Дело в том, что примерно 50 видов кукушек (из 130) не выют своих гнезд. Они откладывают яйца в гнезда других птиц, и те насиживают их вместе со своими.

И вот в чужом гнезде появляется птеник-сиротинка. Казалось бы, живи и радуйся! Так нет же. Кукушонок, едва вылупившись, слепой и голый, подлезает под птенца — законного в гнезде, взваливает его себе на спину и выбрасывает. Если окажется, что в гнезде несколько законных новорожденных, нахаленок не успокоится, пока не вышвырнет всех. Все! Теперь можно жить спокойно: вся добыча родителей достанется приемышу.

Существует поверье, что родители как бы ослеплены красотой приемного детеныша — и дают, дают ему принесенную еду. А всему причина вовсе не красота, а огромный ярко-оранжевый рот прожорливого кукушонка, который является мощным стимулом инстинкта кормления.

Вернемся же к нашему гостю. Кукушонок перебрался на веточку пониже и был хорошо виден с места моего наблюдения.

Решила сфотографировать пришельца — не так уж часто залетает на огород столь необычный гость. Направляю объектив фотоаппарата на ветку, где он сидит. Но что это? Возле птенца крутится воробей. А ему-то что здесь нужно? К моему величайшему изумлению воробей подлетел к кукушонку и сунул в разинутый клюв насекомых. Через минуту-другую — опять. С добычей подлетела и камышевка. Кто же все-таки родители маленького обжоры? Поделилась своими наблюдениями с сыном, он тоже присматривался к необычному гостю. «Мам, а я видел, что кукушонка кормил сорокопут!» Что же получается? Кукушонок, которого, скорее всего, выкармила камышевка где-нибудь в тростниковых зарослях недалеко от города, постепенно перелетая, добрался до городских кварталов, где среди зеленых насаждений много добычи и много других птиц. Своим жалобным криком и широко разинутым клювом он тронул сердца местных

пернатых жителей, и все они бросились кормить бедного птенчика, значительно превосходящего их размерами. Ну и хитрец! Видно, про него сложена пословица: «Родные от нянечки получают по пряничку, а бедной сиротиночке — все дадут по половиночке!»

На следующий день крик кукушонка раздавался в центре городского сквера: обжора перебрался туда собирать дань.

А вот чем интересуется Анюта Дьяковская: «В книге я прочла о бабочке тутовый шелкопряд. Оказывается, ее гусеницы, которые прядут шелковую нить, кормятся листьями шелковицы. И я хочу узнать, что это за дерево?»

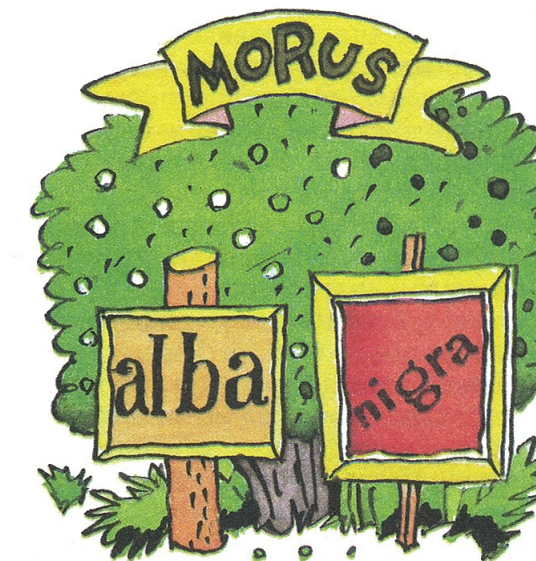
Шелковица, или тутовник, — дерево южное. В природе встречается в лесах Восточной и Юго-Восточной Азии, Африки, Америки. Оно растет и в южных республиках бывшего СССР. Чаще всего шелковицу разводят как корм для тутового шелкопряда, а некоторые сорта и ради сочных ягод.

Хороши сады шелковицы в Индии. О них рассказывает Александр Юрьевич Степаненко.

КОРМИЛИЦА ШЕЛКОПРЯДА

Возможно, что в Индию шелковица попала из Китая. В древности индийцы и шелк ввозили оттуда.

Сейчас это дерево часто встречается во многих индийских провинциях — Пенджабе, Дехрадуне, в предгорьях Гималаев.

В марте — апреле на шелковице уже раскрываются молодые листочки и появляются соцветия. Затем в течение одного месяца созревают вытянутые пухленькие соплодия длиной около пяти сантиметров. Соплодие — это ботанический термин, а попросту — ягода. Она очень нежная, сочная и сладкая. Вся ягодка — одна сплошная мякоть. Сок легко выдавливается ладонью.

Любопытно, что своим внешним обликом ягода шелковицы очень похожа на кокон бабочки тутового шелкопряда.

В Кашмире и Кабуле на шелковицах созревает удивительно большое количество ягод, и люди охотно едят их.

Если на ветках шелковицы оборвать все листья, то через некоторое время вместе с новыми листьями появятся и цветы. Вскоре созревает ягода. Таким образом в течение года можно получить два урожая листьев, которыми питаются гусеницы шелкопряда, и плодов.

Созревшие соплодия темно-красные или черные. Сок такого же цвета. Но есть в Индии и такой сорт шелковицы, соплодия которой при созревании приобретают характерный белый цвет.

Любопытно, что к югу от Гималаев растут деревья с черной или красной ягодой. В то время как в Средней Азии доминируют шелковицы с белыми соплодиями.

Когда я путешествовал по южным отрогам Гиссарского хребта, то в основном встречал белую шелковицу. Хотя однажды стал свидетелем удивительного феномена.

Идя по горной тропе с тяжелым рюкзаком на плечах, я любовался бесконечным разнообразием пейзажей горного ущелья. Внизу, метрах в шестидесяти шумел голубой Туполанг; справа над тропой, на неприступных кручах зеленели искривленные фисташки, попадался и бухарский миндаль; на противоположном берегу реки виднелись куртинки боярышника, грецкого ореха, ясеня, горного винограда. Эти небольшие островочки деревьев были заселены иволгами, которые своим мелодичным свистом улаживали слух.

Горная тропа иногда спускалась к самой воде шумного потока. Горы чуть-чуть отступали, обнажая берег. Вот тут-то и росла шелковица. А это означало незапланированный привал, когда можно полакомиться сочной ягодой, поедая ее горстями, наполняя рот медовым раствором.

В один из таких привалов я увидел

шелковицу весьма крупных размеров и со странной особенностью. С юго-восточной стороны дерева на ветках висели белые соплодия, по центру — красновато-черные, а с северо-западной стороны — черные. Я отведал и тех, и других, и третьих. Каждая разновидность ягод была сладкой и приятной на вкус.

Деревья шелковицы среднего роста. Ее древесина идет на изготовление лодок, столов, стульев, рукояток сельскохозяйственных орудий, столярных и слесарных инструментов. Древесина легко поддается изгибу, поэтому из нее также изготавливают бадминтонные и теннисные ракетки, хоккейные и крикетные клюшки. Из волокон веток шелковицы можно изготовить тонкие, достаточно прочные веревки. Из ветвей производят бумагу.

В один из выходных дней в эту пору Наташа Сорокина гостила у дедушки в деревне. И однажды под вечер увидела в небе журавлиный клин. Вот и эти птицы покидают наши края. «Скоро они вернутся?» — спрашивает нас Наталья. О журавушках (так нарекли журавля на Руси) читайте рассказ биолога Галины Сергеевны Куликовой.

КОЛЕСОМ ДОРОГА, ЖУРАВУШКА!

Закончилось лето, а вместе с ним и все работы в поле. Обмолочены свезенные на гумно снопы, и из печи вынимает хозяйка первые хлеба. Поутру несет она их в цер-

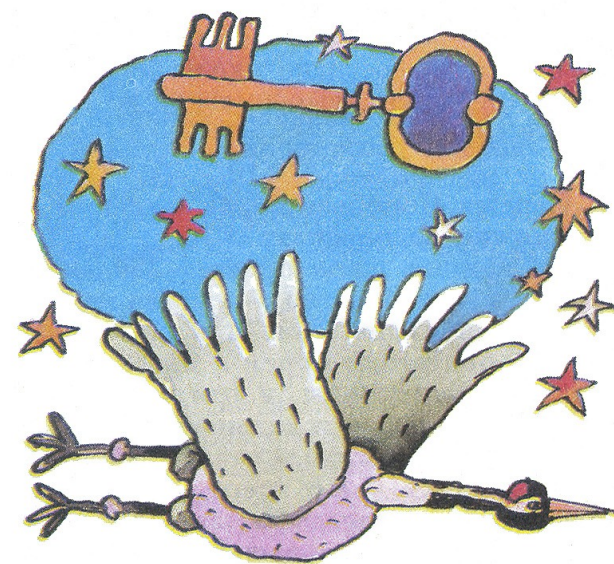

ковь: сегодня хлеба благословляют. А когда-то очень давно в этот день — 8 сентября по старому стилю — собирались все поселенцы на сжатой ниве. Впереди одна из женщин несла каравай на расшитом белом полотенце, будто показывая Земле-матушке, какой она хлеб уродила, и у каждого находились слова благодарности за то, что на весь год наполнены закрома зерном, а значит, быть им с хлебом. С песнями возвращались все в деревню, где их ждали накрытые праздничные столы.

Пустело сразу хлебное поле, и только стая опустившихся журавлей оживляла его. Любили покормиться журавли на хлебном поле: весной — молодыми зелеными всходами, а с июня — и наливающимися в колосья зернами. В конце лета и по осени приходилось им подбирать оставшееся после жатвы зерно.

Собираются журавушки на сжатой ниве всем своим людом. Расступятся вдруг все собравшиеся птицы. В центр образовавшегося круга выйдет журавль-красавец, распушит сильные крылья, то одну ногу вперед выбросит, то другую, то подпрыгнет на месте. Будто перед другими красуется. Тут же и в кругу-хороводе каждая птица начнет в ответ свой танец. «Журавли лето провожают».

Давно люди пытались понять, откуда идет род человеческий? Присматривались вокруг, что за звери и птицы их окружают, и думали, может, от кого из них? Вот по жнивью ходит странная птица: вышагивает на двух ногах, совсем как человек, хотя и летать тоже умеет. На хлебном поле кормится — с самой весны до осени — от хлебной нивы и человек сыт. Возвращаются птицы весной в родные края или осенью приходит время покинуть родную ниву — все журавушки на ней соберутся, «хороводы» водят. Журавлиными плясками издавна на Руси называли весенние брачные игры журавлей. Из всех птиц, что видел человек, журавль был ближе всего к нему своим обликом, своими повадками, поэтому в землях тех славянских племен, где эта птица была обычной, она для них стала тотемом — верили люди в происхождение их рода от журавля-предка. Журавль был неприкосновенной птицей. Его нельзя было убивать, использовать в пищу его мясо. Кто осмелится подстрелить журавля — накличет на себя беду. Счастье, богатство, достаток, благополучие и долгая жизнь будут в том доме, где вместе со всеми живет и ручной журавль.

В «журавля» любили рядиться зимой — на зимние святки и на масленицу. Ряженые водили «журавля» по всей деревне от избы к избе.

Праздники особенно любила детвора. На каждый праздник и у неё были свои особые игры. Сентябрь-летопрородец пришел со своим праздником, и ребягня с летом прощается, «журавля» пускать торопится. Соберется вся детвора на поле. Каждый картофелину себе заранее выберет и перо в нее воткнет, и все разом своих «журавлей» вверх подкидывают: у кого дальше и выше?

Это было не только во время последних ребячьих игр на улице, но и пора ожидания, когда нельзя было пропустить осенний пролет настоящих журавлей.

Ребятня — народ быстрый. И скоро от дома к дому разносится долгожданная весть: «Журавли летят!» И вот уже все, как по команде, собрались за деревней. Кто-то стоит, заслонившись рукой от солнца, и пристально всматривается в даль. У кого-то в руке платок — помахать на прощание журавушкам. И кто-то обязательно повторит вслед улетающим птицам где-то услышанные слова: «Колесом дорога». И все, словно спохватившись и вспомнив, что без этих слов нельзя обойтись, дружно подхватывают: «Колесом дорога».

Этими словами всегда провожали на Руси в путь-дорогу журавлей. Такое напутствие улетающим птицам было не просто надеждой на возвращение их в родные края, но и указанием точного им направления — дороги по солнцу.

А услышав вдали журавлиную перекличку и увидев первый журавлиный клин, сбегались все за деревню и уже на бегу, перебывая друг друга, выкрикивали вслед заветные слова.

Сереза Воробьев спрашивает: «Как размножается черепаха?»

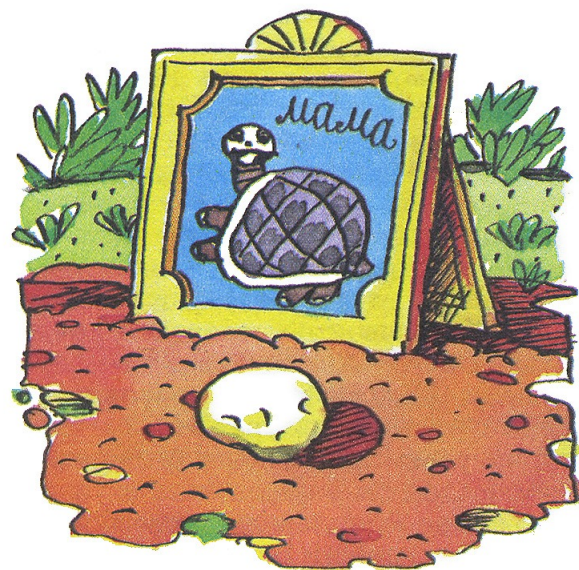
На земном шаре обитает 250 видов черепах. Большинство — жители южных степей и пустынь. Есть и водные черепахи — обитатели морей и пресных рек и озер. Все ее виды, в том числе морские и речные, откладывают яйца на суше. Из яиц вылупляются черепашки. Место кладки чаще всего — песчаная почва, хорошо прогреваемая солнцем. О своей встрече с черепашим яйцом рассказывает Вадим Алексеевич Гражданкин.

СТРАННАЯ НАХОДКА

Мы ехали по накатанной колее около часа и не видели ни встречной машины, ни всадника, ни загона для овец. Сидя рядом с водителем, я смотрел то вперед, то в открытое окно кабины, пытаясь что-нибудь обнаружить в пустыне, где все живое спряталось от нещадного солнца.

— Остановись, остановись, — вдруг крикнул я шоферу.

Едва машина замедлила ход, открыл дверь и побежал в ту сторону, откуда за нами тянулся шлейф пыли. Я шел к тому месту, где, как мне показалось, недалеко от дороги лежало белое... куриное яйцо.

«Неужто мираж?» — подумал я, когда сделал добрых двадцать шагов, так и не заметив его на красноватом фоне земли и сероватых чахлых кустов. Еще пять метров и вернусь.

И тут я действительно разглядел белый предмет, похожий на яйцо. Подошел. Взял. Несомненно, это было яйцо, но не куриное. Тонкая скорлупа прогнбалась в руках. Размером со среднее куриное яйцо, оно было несколько уже... Черепашь?

Так оно и есть.

Черепаха, говорят, прикапывает их, засыпает горячим песком, а тут то ли не успела, то ли что помешало...

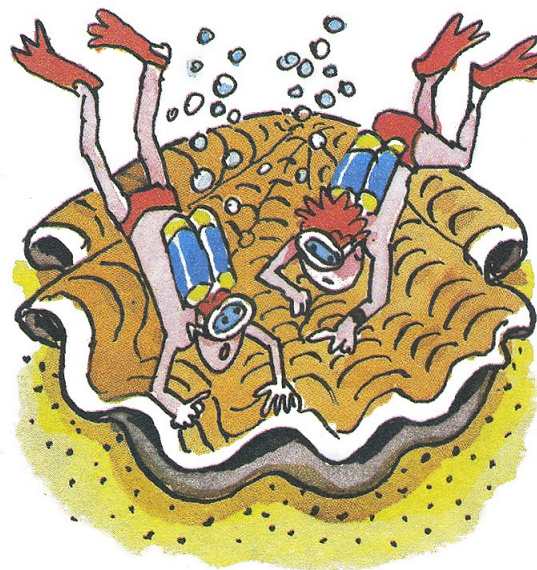
Пятиклассница Василиса Тарасова спрашивает в своем письме: «Слышала, что у побережья Камчатки водится странный моллюск. Створки его раковины, подобно капкану, смыкаются, как только неосторожный ныряльщик случайно сунет руку в приоткрытую щель огромной ракушки. Жизнь такого любопытного ныряльщика или водолаза заканчивается трагически. Расскажите об этом морском охотнике».

Василиса! На самом деле моллюск-тридакна, о котором ты спрашиваешь, не так уж и страшен. О нем рассказывает доктор биологических наук Борис Федорович Сергеев.

КТО ОХОТНИК?

Самый крупный двустворчатый моллюск — тридакна. Вес его вместе с раковиной может достигать 200 килограммов. В прошлом это безобидное существо вызывало у некоторых водолазов панический страх. Даже в инструкциях по водолазному делу, которые применялись в южных странах при работе людей в тропических морях, говорилось, что водолаз ни в коем случае не должен дотрагиваться до огромного моллюска, но следить за тем, чтобы шланг, по которому подается воздух, не был пережат его створками.

Гигантский моллюск не случайно вызывал у людей панический ужас. В те годы в газетах и журналах частенько появлялись сообщения о трагических происшествиях, которые якобы случаются с любопытными ныряльщиками или водолазами, по неосторожности сунувшими руку в при-

открытую щель огромной ракушки и как капканом пойманные коварным моллюском. Судьба таких неосторожных людей должна быть трагической: не то что с грузом в 200 килограммов, но и с живым капканом килограммов на пятьдесят на поверхность не выплывешь.

Сейчас мы знаем, что подобные происшествия всего лишь рассказы падких на сенсации журналистов. Тридакна никогда не раскрывает свою раковину так широко, чтобы туда можно было просунуть палец взрослого человека, тем более его руку. Однако, как недавно выяснилось, в морях обитают двустворчатые моллюски, которые представляют серьезную опасность если не для человека, то во всяком случае для птиц.

Однажды в бухте Моржовой у восточного побережья Камчатки моряки со стоящего на якорю судна заметили баклана, который как-то странно барахтался в воде и как только, обессиленный, замирал, сразу начинал погружаться в воду. Присмотревшись, люди заметили, что клюв птицы зажат створками большого черного моллюска около 30 сантиметров длиной. Нерасторопные моряки не успели прийти на помощь несчастной птице: баклан спас себя сам, обломив кончик клюва.

Аналогичный случай в тот же год произошел на южных островах Курильской гряды. Здесь баклана с висевшим на клюве моллюском поймали на пляже и спасли. Годом позже баклана с крупным гребешком на клюве поймали на мелководье острова Шикотан. Как птицы попадают в капкан, непонятно. Бакланы — всеядные существа, в том числе не брезгующие и

моллюсками. Видимо, ныряя на глубину, неразумные птицы, чтобы урвать что-нибудь вкусненькое, суют клюв в щель между створками раковины моллюска и бывают пойманы. Скорее всего, подобные случаи происходят не так уж и редко, а то, что мы об этом узнали относительно недавно, вполне понятно. Чаще всего бакланы кормятся достаточно далеко от берега. Если «капкан» окажется тяжелым, птице, может быть, вообще не удастся всплыть на поверхность.

Вот что значит неосторожность. Беззубый, безрукий и, казалось бы, вообще беззащитный моллюск в одночасье из жертвы превращается в охотника и губит птицу, покусившуюся на его жизнь.

Наконец, ребята, предлагаю вам вопросы.

В октябре в дубовых и буковых южных лесах собираются стада кабанов. В это время года они особенно любят проводить время в дубравах. А почему?

В октябре линяющие зайцы-беляки покидают смешанные леса. Они боятся листопада и предпочитают держаться в молодых ельниках. Почему беляк не любит осенью смешанный лес?

Иногда в сентябре-октябре в лесах средней полосы можно встретить стайки крикливых носатых птиц рябеньких, величиной с галку. Это кедровки — пернатые кочевники. Как правило, они обитают в таежных кедровых лесах Сибири. О чем свидетельствует их вынужденное появление в центральных районах Европейской части России?

До свидания, мои друзья!

Ваш Главный Почемучка

Ведьмины Кольца

Жизнь первых европейских переселенцев в Австралии поначалу протекала в постоянных трудах и заботах. Им было не до местных красот и диковинок. Вот почему лишь через несколько десятилетий с начала освоения континента переселенцы обратили внимание, а вернее, впервые заметили такое таинственное и страшное явление, как появление «ведьминых колец». Их находили в лесу, на пустошах, где пасли скот, рядом с человеческим жильем. Эти находки до смерти пугали суеверных поселенцев.

А пугаться было чего. Представьте, что после тяжелого, трудного дня вы решили спуститься к ближайшему ручейку, чтобы освежиться, и по дороге замечаете, что на выжженной солнцем земле, где и трава не растет, кто-то вырыл кольцеобразный ров, диаметром с велосипедное колесо, шириной в размер обычной штыковой лопаты и глубиной сантиметров 15–20. Кто и зачем это сделал?

Ближайший сосед живет в 20–30 километрах, да и Австралийская ехидна обитает в восточной половине Австралии и на западной ее окраинности.

не стал бы он рыть землю в ближайшем лесочке, куда и хозяева участка заглядывают редко. На какого-то зверя подумать трудно, уж больно все сделано аккуратно, да и что могли бы звери выкапывать из земли здесь, на пустоши, где ни насекомых, ни съедобных корней не найдешь? Невольно возникало подозрение о шалостях нечистой силы.

Об удивительных кольцах ходило немало легенд и домыслов. По одному из предположений кольцевые ровики создавали австралийские ведьмы, в отличие от своих европейских подруг летавшие почему-то не на помеле, а на лопате. Считалось, что появление «ведьминого кольца» предвещало несчастье. Если его находили на пастбище — это предвещало падеж скота, если в лесу — пожар, а если вблизи жилья — смерть кого-нибудь из живущих в доме. Подобное предположение казалось наиболее достоверным, но только на земляные работы, выполненные лопатой, «ведьмины кольца» были совсем не похожи. Это было совершенно очевидно, когда таинственные траншейки находили в местах с влажной почвой. Стенки

ровиков даже там не были совершенно вертикальными, как это было бы сделано при работе лопатой, и на них были видны какие-то царапины. Создавалось впечатление, что их выскребали. Однако это не реабилитировало австралийских ведьм: они ведь могли работать не только лопатой, но и руками.

Образованные люди приписывали появление колец деятельности австралийских аборигенов. Якобы так истинные хозяева страны мстили европейским пришельцам, напускали порчу на людей, скот, природу. Но аборигенов переселяли в отдаленные резервации, они вымирали, их становилось все меньше и меньше, а кольца все появлялись и появлялись.

Спустя столетие после возникновения легенд о происхождении «ведьминых колец» заметили, что они появляются лишь австралийской зимой — с середины мая по сентябрь. Кроме того обратили внимание на то, что вместе с глубокими полными кольцами нередко встречаются дугообразные траншейки, длиной не более четверти или даже десятой части полной окружности. Создавалось впечатление, будто землеко-

Пока у детеныша ехидны не появятся иглы, он находится в сумке на животе у мамы.

пы бросали начатую работу, не доводя ее и до середины. Эти догадки наталкивали на серьезные размышления.

Переселенцы пытались вызнать у аборигенов, что за нечистая сила творит темные делишки на их земле. Я уверен, что аборигены прекрасно знали, каким образом возникают кольцеобразные ровики и почему в их центре чаще всего находится небольшое деревце, пенёк, пучок травы или хотя бы просто кочка.

Так вековая загадка дожила до наших дней. Разгадать ее удалось совершенно случайно, всего лишь десять лет назад. «Ведьмины кольца» оказались проделками ехидн — типично австралийских животных.

Это небольшой зверек, размер которого редко превышает 40 сантиметров, с

тонкой заостренной мордочкой и крохотным ртом. Тело ехидны густо покрыто короткими иглами длиной 3—6 сантиметров. Под иглами растет бурая шерсть, более длинная расположена вокруг ушей. Короткий хвост в виде небольшой лопаточки сверху покрыт иглами. Живут ехидны в Австралии повсеместно, но ведут себя так осторожно, что чрезвычайно редко попадают людям на глаза. Жители сельских районов, где во множестве обитают ехидны, в своем большинстве никогда не встречали этих зверьков в природе, а зоологи до последнего времени не имели ни малейшего представления об их поведении. Потребовались длительные усилия многих исследователей, чтобы выяснить, как образуются у этих зверьков семьи.

В середине мая взрослые, готовые к размножению, самки начинают издавать резкий мускусный запах,

отчетливо ощущаемый человеком даже на значительном расстоянии и способный очаровать любого самца. Он помогает женихам находить невест. И те, и другие ведут себя сдержанно. Нежности у ехидн не предусмотрены, колючки не позволяют этого. Найдя симпатичную самочку, жених просто пристраивается к хвосту очаровательной дамы и всюду следует за ней по пятам.

Во время таких прогулок влюбленную пару может встретить еще один самец, тогда он первым делом пытается оттеснить соперника, втиснуться между хвостом самки и головой жениха. Если второй самец окажется большим и тяжелым, ему обычно удается оттолкнуть конкурента и занять его место позади хвоста колючей дамы. Потерпевший поражение самец не уходит, а пристраивается позади своего соперника, и зверьки продолжают прогулку втроем. Ученые встречали «караванчики» ехидн из четырех, пяти и даже семи животных.

«Поезда», сформированные из ехидн, странствуют так около месяца, совершая регулярные остановки для отдыха, и тогда, «расцепившись», спят вповалку, где кому удобно, а коли проголодаются, вместе кормятся, не обижая друг друга. Во время остановок самцы стараются выяснить намерения самки, узнать, кто из них ей больше нравится. Дотронуться до невесты они не решаются, боятся колючек, но тщательно обнюхивают ее от хвоста до носа, и издают при этом какие-то тихие звуки.

Иногда некоторые самцы не выдерживают напряжения и покидают самку. На-

конец наступает заветный час, самка находит бугорок, деревце или пучок травы, за которые можно уцепиться передними лапками и распластывается на земле. Теперь в ответ на манипуляции членов своей свиты она уже не будет сворачиваться и топорщить иглы, даже когда женихи начнут подталкивать ее своими рылами. Немного потолквшись, как бы решая, что делать дальше, самцы выстраиваются в хоровод и начинают кружить вокруг самки. Порой останавливаются, роют землю, отбрасывая ее в сторону.

Если в свите самки 3—4 самца, вокруг невесты очень скоро возникает кольцеобразная траншея. По мере того, как она углубляется, самцы становятся все агрессивнее. Они останавливаются друг против друга и носами стараются выбросить из траншеи соперника. Драки чередуются со вспышками деловой активности. В конце концов самому сильному самцу удается разогнать соперников, и он остается в траншее один. На этом обряд сватовства заканчивается. Победитель становится главой вновь образованной семьи.

Через 3—4 недели после строительства «свадебного кольца» самка откладывает одно-единственное яичко. Каким-то таинственным способом она помещает его

в коническую сумку на своем животе. Яйцо небольшое, с некрупную виноградину, весит всего 1—2 грамма.

У ехидны есть молочные железы, но они не имеют сосков. Просто в сумке на участке, называемом молочным полем, открывается 100—150 пор, снабженных волосками, из которых сочится молоко. Детеныш сосет волосы, смоченные молоком и уже через 4 часа после появления из яйца его животик бывает полным. Хорошо питаясь, малыш, вселяющийся в момент появления на свет всего полграмма, быстро прибавляет в весе и уже через два месяца превращается в упитанного зверька.

Б. СЕРГЕЕВ,

доктор биологических наук

Почти 2400 лет назад, в 384 году до нашей эры, во Фракии, в греческой колонии Стагира, родился великий философ и натуралист Аристотель. Он был одним из первых настоящих ученых-исследователей на

Земле, который предположил, что рыбы могут... говорить! Если быть точным, то Аристотель написал так: «Рыбы не прочь почесать языком...» В те далекие времена никто не интересовался замечанием ученого и оно скоро было забыто.

Прошло без малого 2,5 тысячи лет. Знаменитый тогда ученый, инженер и гениальный художник Леонардо да Винчи вновь заявил, что рыбы издают звуки. Он советовал всем, кто хочет в этом убедиться, выйти на лодке в море, опустить

весло поглубже, оставив над водой лишь его небольшой конец, и крепко прижаться к нему ухом.

Но и это наблюдение, и предложение не нашло тогда никакого отклика, в том числе и среди ученых, и тоже было скоро забыто. Слишком уж велика была тогда уверенность, что рыбы не издают никаких звуков, и эта убежденность нашла свое выражение и подтверждение в поговорке, которая существует и сейчас на всех языках народов мира: «Нем, как рыба!» Ведь человек никогда не слышал, чтобы рыба издала звуки...

Справедливости ради надо все же сказать, что многие коренные жители островов Океании издавна пользовались при поиске и ловле рыбы прослушивани-

ем! Они умели это делать, опуская с лодки на глубину нескольких метров полый ствол бамбука. Прижавшись ухом к такой «трубе», рыбаки слушали, а наиболее опытные умели даже различать звуки, издаваемые разными видами рыб, и определять скопления именно тех, которые представляли для них наибольший практический интерес. Правда, этот опыт коренного населения Океании не был широко известен в Европе.

Со времен Леонардо да Винчи прошло еще более 500 лет и люди снова, уже в третий раз, «открыли» то, что было известно еще 2400 лет назад. История науки знает такие примеры. Как же это произошло? Кто опроверг мнение о безмолвии рыб и морской пучины в целом?

В 1941 году Япония напала на военно-морскую базу США в Тихом океане на острове Оаху (на Гавайских островах), расположенную в бухте Пирл-Харбор.

Японские военные катера и подводный флот, поддержанные авиацией, внезапно ворвались в бухту, где стоял американский военный флот. На базе было около 100 кораблей, а на шести аэродромах, прилегающих к бухте, в общей сложности было около 600 самолетов. Американский военно-мор-

ской и воздушный флот понес большие потери.

Такое нападение, заставшее врасплох моряков и летчиков США, объяснялось недостаточным обеспечением наблюдения и контроля за воздушным и водным пространством. Чтобы оградить себя от подобных неожиданностей на будущее, для наблюдения за подводным флотом противника скоро были сконструированы особые гидрофоны, устанавливаемые под водой.

И вот однажды на вахте у гидрофонной установки стоял молодой лейтенант ВМС США, который вдруг услышал звуки работающих моторов. Свои корабли в это время все стояли у причалов! «Подводный флот противника!» — решил лейтенант.

Была объявлена воздушная тревога! Корабли и авиация были приведены в боевую готовность. Однако возникший шум вскоре прекратился. Стало тихо.

Вскоре последовал отбой. «Вражеский подводный флот, по-видимому, ушел». Однако через не-

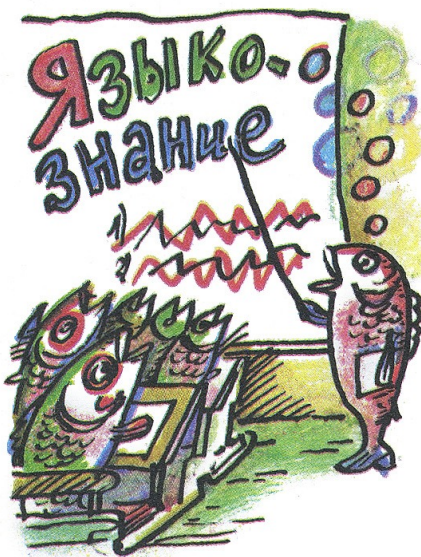

сколько минут шум возобновился. Вновь была объявлена воздушная тревога. Флот и авиация были приведены в боевую готовность. Но вскоре отбой последовал снова. Шум прекратился. Вражеский подводный флот опять ушел. И так было несколько раз. Наконец кто-то высказал предположение, что это вовсе не шум работающих дизелей подводных лодок. Возможно, источник звука иной. Исследовать это явление были вызваны ученые, которые установили, что звуки, так напугавшие дежурного, издавали какие-то морские животные, видимо, рыбы.

Это открытие дало серьезный толчок для изучения подводных звуков с применением всего имеющегося арсенала современной электронной техники, включая последние научные достижения в области акустики. И вот оказалось, что складывавшиеся веками представления о безмолвии океана, о немоте водных животных основаны на недостаточной изученности этого явления. Человек столкнулся в океане с хаосом звуков! Диапазон звуков, издаваемых самыми разными морскими животными, находился в пределах от самых низких частот — инфразвуков до самых высоких ультразвуков, не воспринимаемых человеческим ухом.

Удалось установить, что дельфины издают звуковые сигналы частотой до 200 тысяч герц, а рыбы в основном «говорят» в слуховом диапазоне человека. Но если это так, тогда непонятно, почему человек, идя по берегу моря, не слышит «барабанного боя», издаваемого многими рыбами, или

плавающая на корабле — «воробьиного чириканья» сельди? Почему?

Когда звуковая волна пытается выйти из более плотной водной среды в воздушную и пробивает поверхностную пленку, то большая ее часть не может преодолеть эту преграду, а отражается от поверхностной пленки и уходит обратно в глубину океана. Лишь миллионная доля проникает в воздушную среду и благодаря своей ослабленности не улавливается ухом чело-

века. Мы не слышим этих звуков, наше ухо не приспособлено к приему звуков таких частот. Но когда человек научился записывать под водой все звуки, в том числе инфра- и ультразвук, и воспроизводить их потом в человеческом слуховом диапазоне, то оказалось, что океан наполнен самыми различными звуками во всех диапазонах, и характер этих звуков исключительно разнообразен. Вы можете услышать свист, скрипы, скрежет, трели, барабанный бой, чириканье, похожее на птичье, тихое или очень громкое, и резкое щелканье, словом, самые-самые разные. И расшифровать их, узнать, кому они принадлежат, совсем нелегко, а иногда просто невозможно. Ведь в Мировом океане обитает около 150 тысяч видов самых разных животных. Одних рыб насчитывается более 16—17 тысяч видов! И все они «говорят» на разных языках и, кстати сказать, друг друга они не понимают, так как у каждого вида животных свой оригинальный набор звуковых сигналов.

Ученые уже установили сигналы, которые издают одни рыбы, диапазон их частот, звуки других — пока еще совсем неизведанная область.

Очень трудно поддается расшифровке и биологическое назначение звуковых сигналов. Если одни сигналы — опасности, угрозы, обнаружения пищи, хотя и с трудом, но все же расшифрованы, то значение многих других пока остается для ученых загадкой.

У тебя, читатель, может возникнуть вопрос: «А как же рыбы издают звуки? Чем? Ведь у них нет голосовых связок?»

Правильно! Но у многих рыб есть особые плавательные пузыри, и ученые установили, что они используют их в качестве резонаторов или своеобразных «барабанов». Грубо говоря, происходит это так: плавательный пузырь окружен мускулами. Натягивая тот или иной мускульный тяж и затем резко ослабляя его, рыба как бы ударяет им по плавательному пузырю, извлекая из него звуки раз-

ной частоты в зависимости от толщины, длины мускула и степени его натяжения. На жаберных дужках некоторых рыб расположены так называемые глоточные зубы — небольшие костные выросты, в результате трения которых друг о друга возникают скрежещущие и скрипящие звуки, щелчки...

Японцы предсказывают, что в скором времени обычные рыболовные сети будут заменены магнитной пленкой с записью голосов разных промысловых видов рыб. На пленку будут записаны сигналы, биологическое значение которых может означать «нахождение пищи» или призыв к

созданию косяка из отдельных рыбных стай, и такой косяк различными звуковыми сигналами будет направляться прямо к особому подводному загому либо в невод. Японские ученые из лаборатории морской бионики отмечают, что воспроизводимые звуки будут привлекать рыбные стаи, находящиеся на расстоянии до тысячи километров от источника звука.

Да, действительно, звуковые сигналы, издаваемые некоторыми морскими животными, имеют достаточно большую «силу».

Известен, например, небольшой рак-щелкун, или альфеус. Его длина не превышает 10 сантиметров. У альфеуса две клешни — одна всегда поменьше, другая побольше, которая имеет своеобразное строение,

позволяющее производить щелчок и одновременно выбрасывать небольшую струю воды. Обитают альфеусы и у нас на Черном море. Иногда они образуют очень большие скопления.

Записи щелчков черноморского альфеуса показали, что частота звуковых колебаний достигает у них 10—15 тысяч герц.

Один альфеус был посажен в обычную стеклянную литровую банку. Как только банка наполнилась водой, альфеус щелкнул и банка разлетелась на мелкие кусочки. Настолько сильно было звуковое давление этого щелчка!

Нераскрытых тайн языка рыб и других морских животных еще очень много. Неизвестны механизмы воспроизведения звуков, техника приемов отражен-

ных волн, отбора животными из хаоса звуков, царящего в океане, только ему нужны звуковых волн совершенно определенных частот, идущих от их собратьев по виду и, по-видимому, несущих какую-то определенную информацию.

Ученые совершили в этом направлении пока лишь первые робкие шаги. Дальнейшее изучение вопросов биоакустики очень скоро приведет нас к очень интересным, важным и, вероятно, неожиданным открытиям.

С. КЛУМОВ,
доктор биологических наук
Рис. Г. Кованова

В ОЖИДАНИИ СНЕГОВ

Во второй половине сентября, особенно после сильных бурь и штормов, устанавливаются заморозки до минус 7 градусов. Белым инеем покрываются земля, крыши домов, заборы. Он стаивает только днем. В долинах скапливается густой утренний туман. Заморозки убивают последние грибы. Их обмякшие шляпки — грустное напоминание о чудесной грибной страде. Пора массового листопада. Еще недавно пунцовые кустики голубики потеряли листву и выглядят сиротливо. На них лишь кое-где остались сморщенные голубые ягодки. Собрать их невозможно, малейшее прикосновение — и они расползаются.

Постепенно оголяются каменноберезники. Уже облетели листья у тополя и чозении. В прозрачных тополевицах неуютно. Зем-

ля вокруг этих деревьев густо покрыта опавшей листвой. Так же быстро и дружно осыпаются ольховники. У этих деревьев становятся заметными гроздья шишек, наполненных мелкими семенами. Они раскачиваются на ветру, рассеивая семена. Во время дождя щелки маленькой шишковидной коробочки смыкаются, а в сухую погоду — раскрываются.

В конце сентября, особенно после сильных заморозков, жухнет зеленое одеяние лиственниц, становясь коричневым. И сразу картина меняется. Вместо красивых золотых крон с мягкой хвоей перед нами вырастают мрачные черные стволы с редкими ветвями. Лиственницы на склонах сопков резко отличаются от пойменных. Близ воды они более высокие, прямоствольные, хотя никогда не дос-

тигают больших размеров (такими мы их привыкли видеть в Средней России). Только в широких поймах здесь встречаются рослые деревья, но они произрастают далеко друг от друга, как в парке. Их скопления так и называются — парковые лиственничники.

На склонах лиственницы маленькие, сильно разветвленные и самых разнообразных форм: то в виде канделябра, то корявые, с торчащими во все стороны ветвями. Деревьев с прямым стволом и горизонтальными боковыми ветвями почти нет. Все эти причудливые формы, напоминающие диковинных зверей, становятся хорошо заметными только после того, как кроны оголяются. На вершине сопков лиственница еще раз меняет свой облик. Как будто невидимый дровосек обрезал ее крону

Лишайники.

и оставил пеня, от которого отрастают 2—3 ветви, распростертые по почве. Такие растения называют юбками. И действительно, сходство с юбкой очень большое!

Еще некоторое время под кронами лежит мягкий ковер опавшей хвои, но под осенними дождями он темнеет и прибивается к земле, а верхний его слой разносится ветром.

Одна из примет поздней осени — пролет гусей. Он начинается в середине сентября и длится до конца месяца. Так же как и весной, высоко в небе тянутся косяки гусей, сопровождая полет тревожным криком. Но теперь они летят не на север, а на юг.

В начале октября, совпадая с постоянными нулевыми отметками температуры, заканчивается листопад. Деревья голы. В лесу светло и холодно. Землю сковал мороз. Пружинит под

ногами слой замерзшей листвы. Сиротливо чернеют голые лиственницы. На фоне серо-голубого осеннего неба выделяются очертания крон лиственниц, высоких чозений, низкого ольховника с гирляндами шишечек. У каждого дерева свои очертания. Все в природе потускнело. Свежая, ярко-зеленая хвоя кедрового стланика стала тусклой, сероватой. И опять, как весной, это растение начинает вести себя подобно одушевленному существу. Его ветви укладываются спать на зиму — очень медленно

опускаются и прижимаются к земле. Высокие саблевидные летом, ветви ствола осенью начинают стелиться. Высота растений уже не превышает полуметра, а ведь летом они были шестиметровыми! Под таким снегом-одеялом стланик переживет холодную зиму. Укрытые листья на морозе не высохнут. Самое опасное для растений — это зимнее испарение.

Темно-зеленые ковры мхов и вечнозеленых кустарничков — главное украшение этой унылой поры. По-прежнему свеж и зелен мох. Сейчас, когда нет травы, он особенно заметен. Вовсе не сказываются на облике лишайников морозы. Все так же мягка моховая подушка, все так же пружинят эластичные, наполненные влагой лишайники. Но вот облик кустарничков иной. Листья брусники летом темно-зеленые, глянцевые, после похолодания приобрели красноватый оттенок. Красный пигмент делает клетки теплее, бла-

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Дорогие друзья!

Пусть не покажется вам назойливым привычное осеннее напоминание о необходимости оформить подписку на журнал «Юный натуралист» на 1999 год. Наблюдения свидетельствуют: каждый двадцатый читатель «Юного натуралиста» забывает вовремя сходиться на почту. А это так просто!

Индекс «Юного натуралиста» прежний: 71121 — для тех, кто хочет подписаться на первое полугодие, второй индекс — 71380 (тоже по каталогу Роспечати) — для подписчиков, решивших получить «Юный натуралист» целый год. Желаем успехов! До новых встреч!

Редакция

годаря чему и на холоде возможна реакция фотосинтеза, а значит, активная жизнедеятельность. Такой же красноватый оттенок приобретают листья диантисы и рододендрона лаузелеурии лапландской. Интересно ведут себя поздней осенью дриада и арктоус. Серые листья дриады становятся морщинистыми. Они и есть ее зимнее одеяло. Так же ведет себя и арктоус, и очень интересная,

Березка тощая.

распространенная только в океанических районах Севера и на Камчатке голубика вулканическая. Растет она только в тундре. Листья ее очень отличаются от обычной голубики топяной. У голубики вулканической они всегда круглые. Но это еще не все. Голубика топяная осенью всегда сбрасывает листья, а вулканическая, подобно дриаде и арктоусу, — нет. Они остаются на стеблях, укрывая растение на зиму.

Изменился вид багульника. Листья его слегка по-

бурели и опустились вниз. Склонились и потускнели листья рододендрона золотистого. Летом широкие и блестящие, они с осенними холодами завернулись на нижнюю сторону, словно свиток, и повисли вдоль побега. И сразу на верхушках стали заметны крупные почки двух видов. На одних — заостренные, словно копье, на других — крупные и круглые. Из острых следующей весной вырастет новый побег, круглая почка уже с осени несет зачатки цветка

В первой декаде октября поземка намывает снег. Он больше не тает, хотя слой его еще очень тонкий. Он едва-едва прикрывает зеленый покров на земле. Над снегом торчат ветви багульника, на концах их находится хохолок изогнутых клювовидных маленьких коробочек, наполненных мелкими сыпучими семенами. Ветер раскачивает коробочки, высевая семена прямо на снег, где они и перезимовывают. Они хорошо заметны в эту пору. Так и пролежат до весны, а с тальными водами уплывут далеко-далеко.

Многие древесные растения продолжают рассеивать семена и зимой. Таков ольховник.

Над первым снежным покровом кое-где еще торчат ветки кедрового стланика. Иногда, если повезет, можно найти ветки с шишками и в последний раз полакомиться орешками. Скоро и их засыпет снегом. С каждым днем мороз все крепче, с каждым новым снегопадом покрывало все толще. В середине октября наступает долгая северная зима.

М. МАЗУРЕНКО,
доктор биологических наук
Фото Т. Москалюка

Сергей Кучеренко

ЖИДБИК

**С Амбисцей
и без нее**

Стофест

Рис. Л. Насырова

ТАЕЖНЫЕ ПРИНЦЫ

Было ясное тихое утро. Осенним карнавальным многоцветием красовалась тайга, устилая под собой пожухлую хвойно-моховую подстилку коврами из палой листвы. И были эти ковры такими красивыми и нежными, что боязно было на них наступать. Может быть, потому или просто из необходимости переколоть уже давно напильные чурки и уложить дрова в поленницы под навес, благо снега были не

Продолжение. Начало см. в №№ 8—9 за 1998 год.

за горами, но Мещеряковы в тот день выход на свои наблюдательные маршруты отложили на полдень.

Кололись дрова легко, отец как бы играл топором, сын собирал поленья и укладывал их на место.

И вдруг они услышали тревожный храп коня. Обратились в ту сторону, откуда глядел Боец и куда были наострены его уши. И замерли от совершеннейшей неожиданности: из кромки леса, в какой-нибудь полусотне метров, вышла тигрица с двумя уже крупными тигрятами. Шли они след в след: впереди мать, за нею один и другой. Шли тихо, но вот и вовсе замерли, разглядывая людей. Однако постояли как бы в нерешительности и опять зашагали. Бросилось в глаза, что взрослая сильно припадает на переднюю ногу, потом стало видно, что за той ногой волочится трос.

Отец и сын Мещеряковы хорошо знали, что как бы ни боялись дикие животные людей, в погибельно-безвыходном положении они иногда мчатся за спасением именно к человеку. Слово все время звери и птицы знают, что не все люди враждебны к ним и жестоки.

Коля еще в детстве зимами подкармливал страдавших от голода и холода синиц и воробьев. А поползни осваивались так стремительно, что уже через несколько часов вспрыгивали за семечками ему на ладонь и цеплялись за пальцы. В отцовских зимовьях он видел, как старательно «чистят» мездру растянутых на морозе звериных шкур синицы и поползни, а особенно дятлы. Так их обстукивают, что хоть не выделявай. И вот когда тех шкур во дворе не было, он специально для подкормки птиц вывешивал нечто мясное. И было зимних птах вокруг Мещеряковских строений много.

Отец относился к этому занятию сына вполне благосклонно при соблюдении его единственного условия: отстреливать из мелкашки пакостных кукушек и ворон. Может быть потому паренек так рано научился стрелять по-снайперски метко.

К отцовскому зимовью уже прибегал выдохшийся и потерявший силы кабан, настигаемый медведем-шатуном. Бандит был застрелен рядом с домиком, а вепрь в изнеможении пролежал под навесом и остаток дня, и всю ночь. Утром охотник предложил ему большую миску кедровых орехов — тот не отказался. А подкрепившись сытным кормом, ушел в тайгу, благодарно рюхая басом.

Был Коля свидетелем и другого таежного происшествия. Спасаясь от волков, примчался к зимовью изюбр. Застыл у самых дверей, потому что наглых разбойников жиле человека не останавливало. Один из них был тут же наказан выстрелом, однако изюбр не уходил, чуя, что стая затаилась неподалеку и ждет своего мгновения. И еще двух хищников застрелил отец, а бык не уходил: ноги его не держали. Поднесенный ему хлеб, густо посыпанный солью, долго не брал, но потом все же съел. У избы жил два дня, потом еще раз прибегал к ней, спасая жизнь.

Достоверно знали Мещеряковы немало и других случаев обращения диких животных к людям за помощью. Белогрудый медведь с огромной занозой в лапе приходил. Его собрат явился с загноившейся раной. Лосиха с теленком в село прибегала и жила в нем несколько дней, пока не застрелили упорно охотившегося на них медведя. А изюбр и вовсе «прописался» в коровнике лесника. К его же дому явился однажды молодой волк с капканом на лапе.

Но тигр! Возможно ли такое? Неужели вот эти пришли к жилому дому человека за помощью? Расскажи кому — тут же услышишь: «Брехня!» Но на этом кордоне жили грамотные таежники. Знали они, что десять лет назад явился в село Холмы, что на севере Приморского края, тигр с петлей на шее. Зашел на крыльцо крайнего дома — дед с бабкой Сахаровы там жили — потом улегся в сенях, всем своим измученным видом прося у людей помощи. Судя по всему, в туго затянувшейся и «прикипевшей» к окровавленной и высохшей шерсти петле из стального толстого троса этот огромный страдалец был давно и уже на краю гибели, решил, что спасти его могут только люди.

Из райцентра по телефону вызвали в село дюжих мужиков и зоотехника. Прижали они «пациента» рогулями. А в этом не было какой-либо необходимости, потому что тигр нисколько не сопротивлялся и терпеливо позволял делать с собой все, что они предпринимали. Он лишь закрыл глаза, когда отдирали трос от тела вместе с клочьями кожи...

Коля в эти раскаленные минуты явления тигриного выводка на кордон вспомнил нечто подобное, вычитанное в книге знаменитого индийского охотолова Сингха. Однажды в доме лесника, стоявшего у края джунглей, усевшиеся за стол лесник и инспектор почувствовали у своих ног

нечто живое и шерстистое. Сначала подумали — собака. Но вдруг мелькнул из-под стола... тигриный хвост. Тигра застрелили. А осмотр показал, что на шее несчастного сверху сильно гноилась большая рана. Дотянуться до нее, чтобы залить, зверь не мог, а она болела, должно быть, все сильнее. И решил владыка джунглей, что только люди могут его спасти.

Но вернемся к нашей удивительной госте. Да, тигрица сильно хромала, она почти не наступала на переднюю правую лапу. Остановившись в двух десятках метров от людей и неустанно храпящего коня, она долго изучающе глядела на них, пытаясь отгадать их реакцию на необыкновеннейшую ситуацию. А те не знали, что предпринять. Однако Мещеряков-старший тихо и осторожно закрыл лошадь в конюшне, взял в руки карабин, принес бинокль, присел на пороге избы и позвал сына «на консилиум».

Видя и понимая все это, тигрица опустилась на живот. Тут же улеглось ее потомство, впервые видевшее странную для тайги обстановку и удивительных существ в ней. Наступившую мертвую тишину тронул Коля:

— Пришла за помощью... Дай-ка бинокль. Да-а, лапа сильно вспухла. Стала багровой, на конце почти черной. Не было бы гангрены. А трос на ноге затянут на смерть... И что же будем делать?

После затяжного молчания высказался и отец:

— А ничего иного и не придумать, кроме как обо всем сообщить на базу да попросить прислать утром вертолет с ветеринаром и охотоведом. С ружьем для обезвреживания... Могут быть лишь через сутки... Не оказалось бы поздно: про гангрену ты подумал правильно. А тигрята без матери погибнут, не смогут они жить самостоятельно в этом возрасте, потому что не обучены еще. Это тоже надо пояснить начальству...

И снова они долго молчали. Потом егерь встал и очень тихо пошел к тигрице, как можно спокойнее приговаривая:

— И что же случилось, мама? Где тебя угораздило? И как же тебе помочь?

Конечно же, ему было ясно, что зверю не понять смысла сказанных слов, однако по тону тот должен догадаться, что люди хотят ему только добра. Егерь давно и хорошо изучил тигриные повадки, знал, что настроение и намерения этой кошки четко выражаются мимикой — глазами, ртом,

морщинами, положением ушей. А еще движениями хвоста, шерстью на загривке и по хребту. И потому внимательно за всем этим следил, стараясь проникнуть в самое тигриное нутро.

И она глядела на подхитившего и миролюбиво с нею разговаривающего человека внимательно и сосредоточенно, высоко подняв голову. Она тоже хотела проникнуть в нутро двуногого, считать его добрым у нее особых оснований было мало. Не он ли поставил ту коварную ловушку? И все же она явно всем своим видом просила его не бояться, подойти и помочь ей, освободить от страданий, так затянувшихся и обострившихся. И как бы уверяла она в том, что ничего плохого не сделает...

Мещеряков видел, знал и помнил, как терпеливо переносят «операции» звери, когда им приходится помогать. Однажды он вправлял своему псу сустав вывихнутой ноги. Уж как болезненна эта операция, а страдалец лишь несколько раз тихо взвизгнул. В другой раз ему пришлось укладывать собачьи внутренности на свое

место и обыкновенной иглой с суровой ниткой зашивать большую рану, нанесенную разъяренным секачом. И вот не укусила, хотя и брала несколько раз в пасть его руку.

Но кто же знает, как поведет себя при подобных обстоятельствах тигр? А ему ведь достаточно сомкнуть челюсти на руке, как та и отлетит. Ударом лапы ведь ломает хребет кабана. Но взять в рот может и шею, и голову. М-да-а...

Амбица, должно быть, отгадала эти мысли. Иначе зачем бы ей нужно было, отправив детей подальше и велев там ждать, перевернуться на спину и бросить лапу-страдалицу на землю точно в сторону тихо подхитившего человека? До него оставалась дистанция тигриного прыжка, он долго и внимательно разглядывал ту лапу в петельном тросе и мучительно размышлял, что предпринять, как задавить в себе неподолжимый страх и как помочь несчастной.

Осмотрев лапу еще и в бинокль, Степан повернулся уходить, чтобы посоветоваться с сыном. Тигрица же тоненько как бы заплакала каким-то странным причи-

тающим голосом, какой он у тигров никогда не слышал, и даже не предполагал, что эти могучие кошки могут так жалобно плакать. И этот голос подтолкнул его к отчаянному решению.

Отойдя к крыльцу, отец решительно заговорил с сыном:

— Значит так, Коленька. Я пойду снимать петлю, а ты на всякий случай, больше для моральной поддержки, будешь стоять в десятке метров от меня с карабином. Теперь же, пока я буду одеваться в полушубок, шапку, принеси полотенце, чайник с теплой водой, пузырьки с марганцовкой и мазью. На всякий случай прихвати плоскогубцы с кусачками. Да быстро, ведь может уйти, видишь — встала...

Через несколько минут егерь, плотно укутавшись в зимнюю одежду, со всем принесенным Колей, держа в руках таз с теплой розовой водицей, все так же медленно, с теми же ласковыми разговорами подошел к тигрице. И она опять легла на спину и снова отбросила больную лапу. И плотно закрыла глаза, выражая тем самым полную покорность.

А Коля стоял со взведенным карабином, чтоб не было отцовское напряжение безысходным.

Не спуская с тигриной морды глаз, Мещеряков поставил таз рядом с лапой, намочил полотенце в теплой розовой воде, отжал его на спекшуюся в крови и шерсти петлю, потом на багровую лапу. Уверяя при этом единственную в своем роде и во всем мире пациентку в своих самых добрых намерениях таким нежным голосом, какой слышала только его невеста много лет назад.

А тигрица, как бы подбадривая человека, что-то промурлыкала на своем языке, тяжело вздохнула и снова закрыла глаза.

Самым трудным делом было снять петлю, не причинив резкой боли. Мещеряков терпеливо смачивал и разминал шерсть, разглядывая при этом кольцо петли и резкий перегиб троса сразу за ним. Головная часть троса не пружинила. С надеждой на удачу он зажал коварный перегиб плоскогубцами и с предельной осторожностью стал его выправлять и выравнивать. И когда это ему удалось, петля как бы сама собой ослабла. Ее можно было растягивать. Теперь этому мешала лишь пропитанная кровью шерсть. И Степан смачивал ее, смачивал. Счищал с лапы нагноения. Отметил, что пальцы, по всей видимости, уже отмерли. И вот наконец растянутая петля с лапы снята!

Пот в три ручья заливал глаза новоявленного лекаря, и весь он в зимних одеждах промок. Но ему оставалось куда более легкое: промыть рану марганцовкой. Подумал: «Вылизет ее сама».

Встал. Глубоко вздохнул. Сказал: «Вот и все, мама. Можешь уходить. Остальное зависит от тебя». И шатким шагом направился к дому.

Амбица долго и старательно зализывала рану, благодарно поглядывая на людей. Потом отошла со своими чадами поодаль, улеглась на ворох сухой листвы под навесом разлапистого корча и устало задремала. Амбятя с готовностью сделали точно так же, потому что во всем копировали мать. И все трое, должно быть, обсуждали в себе одну и ту же мысль: «Так кто они — эти загадочные двуногие?»

Судя по всему, тигры были очень голодны. Подкормить их имевшейся в запасе тушенкой было и дороговато для небогатых обитателей кордона, и мало эффективно для больших мастеров обильно поесть. Но имелась у них живая крупная рыба в садке у ключа, ее оттуда извлекли и поднесли в дар полосатым. Приняли они это угощение с благодарностью на звериный манер, а ели жадно. Тоже ведь кошки. Тем более что рыба после долгого мясного однообразия — приятнейший харч.

Довелось как-то Мещерякову с удивлением наблюдать, как тигр на перекате нерестового ключа ловил кету и тут же с аппетитом уплетал. Но еще более он уди-

вился на другой день, когда увидел неподалеку от места вчерашней тигриной рыбалки недоеденного кабана.

Однако рыбы для этого выводка с прожорливой пацанвой было явно мало, а добывать собственное пропитание мать сможет еще не скоро. И решил егерь Мещеряков взять грех на душу: отстрелить какого-нибудь копытного зверя. Знал он кормовые места, где постоянно пасутся изюбры и кабаны, хорошо знал... Сообщив о своем решении Коле, он взял карабин и ушел, попросив сына в семь вечера выйти на связь с базой и все рассказать в подробностях, если он к тому времени не вернется.

А возвратился радостным и тяжело нагруженным всего через три часа. Тот день 12 октября вообще был для Мещеряковых памятным на всю жизнь. Снимая с плеч полную панягу мяса, отец возбужденно рассказывал сыну:

— Иду это я по тропе ти-и-хо... По сторонам внимательно гляжу, ко всему прислушиваюсь. Бога молю, чтобы послал он мне зверя для тигров. Вдруг слышу — бурундук заверещал и тут же кукша заскрежетала. Замер я, присмотрелся к сумраку под лесным пологом — медведь под кедром лежит! Как потом я разобрался, разрыл он нору бурундука с кладовой, налопался орехов да и заночевал, не отходя от стола. Но вот проснулся — и недовольно на крикунов косится. Я его и жахнул. Всего в двух километрах от нас. Освежевал на скорую руку, отрубил пару пудов свеженины и дай Бог ноги. Давай-ка разрубим мясо на куски да отнесем голодающим. И я побегу за другой ноской. На неделю медведя им достанет, а там пусть сами промышляют.

...Те приняли дар с такой радостью, какую, должно быть, давно не испытывали. Медвежатину тигры испокон века предпочитают другому мясу, и чем жирнее она оказывалась, тем с большим наслаждением поедалась. Все хищники жир предпочитают даже просто жирному мясу, и семья Амбицы исключения не составляла.

А вечером Коля тигров не увидел. С горечью подумал, что ушли они, получив от людей все, что надо было, он вознамерился пройтись по их следам и хотя бы узнать, в какую сторону те удалились. Следы были заметны плохо, напряженно разглядывая их, паренек медленно шагал от дерева к дереву, от корча к валежине. И неожиданно увидел три тигриные головы, внимательно его разглядывающие с каких-нибудь шести—восьми шагов. Они лежали в плотной тени под пологом густой ели на толстой подушке хвойного опада.

Коля от неожиданности обмер, однако себя не потерял, хотя и каменно застыл. Потом стал убеждаться, что ну никак не могут эти звери наброситься на него, если не сделали это минутами раньше. Что ведомы же им, наконец, чувства благодарности за такую большую помощь, для матери скорее всего фатальную. Потом обратился к ним с речью по отцовскому примеру:

— Лежите? Отдыхаете? А ты, мама, как себя чувствуешь? Хорошо? Ну и ладно.

И попятился к дому, продолжая говорить в том же духе.

Вернувшийся с очередной ношей мяса отец, выслушав взволнованный рассказ сына, оценил ситуацию коротко и четко:

— Все так и должно быть. Мать теперь не охотница, ослабла. Уйдут через несколько дней.

С рассветом амбята стали играть на площадке возле дома, почти совсем не обращая внимания на людей и их четвероногих спутников. Они носились друг за другом, боролись, широко раззевая рты, играли в прятки, ловко вскарабкивались на деревья и отчаянно спрыгивали с немалой высоты.

Коля долго за ними наблюдал, потом пошел к ним принять участие в играх, на всякий случай и для уверенности в себе вооружившись увесистой дубиной.

Тигрята были размером с лайку, резвыми и любопытными. Сначала они подошли к пареньку и обследовали его, потом стали понарошке бить его лапами и покусывать, определенно приглашая к игре. И вот уже забегали вокруг. Коля это приглашение не принял, однако, предусмотрительно усевшись на большой пень, стал с интересом наблюдать за еще маленькими таежными принцами, в которых уже угадывались владыки уссурийской тайги.

Он готов был сидеть на том пне вечно. Ведь как долго он мечтал встретиться с тигром на таежной тропе один на один и сказать: «Здравствуй, Амба. Вот мы и свиделись».

Однако затянуться тому свиданию суждено не было. Нечто властное повернуло Колину голову к стене леса, окружавшего прикордонную площадку, и он увидел Амбицу, очень внимательно за ним наблюдающую. Она была не далее тридцати метров. Мальчик не стал испытывать свою судьбу лишний раз и медленно зашагал к дому, все так же наговаривая ласковые слова.

Соседство тигриного выводка с людьми около кордона заказника не было долгим. Пять суток царственные, несмотря ни на какие горести, гости всласть отъедались на медвежатине. Амбица почти непрерывно зализывала рану, тигрята играли. Мещеряковы удачно выбрали место для наблюдения над логовом под густохвойной елью. До него было около полусотни метров, и в бинокль с восьмикратным приближением люди видели тигров как вроде бы в упор. Они подолгу тихо за ними наблю-

дали с непроходящим интересом и волнением, познавая сокровенные тайнства тигриной жизни.

Степана больше всего интересовало, заживет ли нога тигрицы. Заживет — слава Богу, не залечится — быть ей инвалидом, и куда труднее станет добывать корм. А ведь дети очень охочи поесть, потому что в этом возрасте им положено быстро расти. Материнского молока было явно мало, им теперь подавай мясо, да чтоб было оно посвежее да пожирнее. Для этого матери охотиться надо каждый день.

Но на четвертые сутки егеря, поднося очередную порцию мяса, с огорчением увидел тигриную лапу беспалой... Странной она стала, вроде жалкой культы. Но молил Бога Степан Мещеряков, чтобы не отмерла и кисть ноги. Тогда тигрица станет трехногой, и последствия этого трудно предсказать.

Знал он вполне достоверные факты полноценной жизни трехлапого волка. В резвости бега он почти не уступал сородичам, жертву давил мастерски. Но ведь у волка ноги для бега, у тигра же они, особенно передние с мощными когтями, —

орудия умерщвления наравне с челюстями. О, эти тигриные когти! Серпы! Но вот если их в два раза меньше? А имеющиеся — с одного бока?..

Да, егеря больше всего беспокоил вопрос, останется ли эта тигрица полноценной охотницей. А вот его сына интересовало все. Он с утра до вечера наблюдал за выводком.

Тигрята на третий день запросто к нему подбегали, как бы приглашая поиграть, а их мать уже перестало настораживать соседство, совместные забавы ее детенышей с человеком. Пусть и детского еще возраста.

Но все приходит и все уходит, на шестой день Мещеряковы тигров не увидели. Им здесь, конечно же, было хорошо, однако ведь все хорошее хорошо в меру. И тигриный выводок удалился в свою безлюдную страну. Удалился, как высказался Мещеряков-отец, насовсем. Знать, зажила та лапа. Выходит, решила тигрица, что и сама теперь в состоянии кормить своих детей.

Продолжение следует

ЕСЛИ ВДРУГ ПОВЕЗЕТ

Как-то довелось мне побывать в верховьях реки Сестры. Я люблю бродить среди необозримых полей, дышать чистым воздухом, смотреть на цветы, которые ласкают взгляд своими чистыми, незапыленными лепестками.

Необъятные просторы полей, голубое, кристально-чистое небо — все это умиротворяло меня.

Я долго шел по полю, увидел впереди канал и решил пройти вдоль него. Берег канала зарос ивняком, кое-где попадались осины, а в одном месте они даже образовали небольшой лесочек.

Здесь канал был перего-

рожен плотиной, да так, что уровень воды был поднят примерно на метр. Выше была поставлена еще одна плотина длиной метров девять.

Постройка была сооружена из веток, стволов деревьев, скрепленных илом.

Я притаился. Уж очень хотелось увидеть хозяев хатки. Наступил вечер. Окутал туманной дымкой безбрежные просторы полей. На часах — десять. Полчища назойливых комаров атаковали меня со всех сторон. Я уже собрался уходить, как вдруг возле бобровой хатки заметил поднимающиеся со дна пузырьки воздуха. А скоро

над водой показалась мокрая, усатая морда бобра, а потом и туловище животного, плившего в мою сторону. Вскоре он был совсем рядом и, казалось, не замечал меня. Длина его тела достигала метра. Он был одет в пушистую светло-каштановую шубу.

«Кто ее построил?» — подумал я. Вокруг было много срубленных деревьев. Я пригляделся внимательнее. Нет, деревья были не срублены. На стволах виднелись отпечатки зубов. «Да это же работа бобров!» — мелькнула догадка. И действительно, недалеко от плотины, в густых ветвях ивняка, пряталась

бобровая хатка высотой около двух метров.

Вдруг под моей ногой хрустнул сучок. Тотчас из воды поднялся могучий, лопатообразный, лишенный волос хвост и с огромной силой ударил по водной поверхности. В лицо полетели брызги.

Зверь исчез под водой. И лишь огромные круги, разбежавшиеся в разные стороны, напоминали мне о недавнем его присутствии.

Это была не последняя встреча с бобром. Я еще много раз навещался в этот лесок.

В хатке жила целая семья бобров. Однажды после проливных дождей и сильного ветра бобриную плотину смыло. Мне посчастливилось наблюдать, как вся семья принимала участие в ремонте своего сооружения. Бобры-инженеры отгрызали ветки деревьев, нетолстые стволы и

сплавляли их к плотине. Закрепляли, утрамбовывали плотину по способу, только

им известному. Лишь на рассвете, когда ремонт был закончен, строители отправились в хатку.

Каждый раз, когда я встречался с бобрами, чувство восторга охватывало меня: как же здорово, что люди и бобры живут почти рядом (недалеко располагался дачный поселок). А ведь было время, когда бобровый род чуть не пострадал из-за своего чудного меха...

Теперь бобры в Подмосковье не редкость. Звери эти осторожные, с человеком стараются не встречаться. А сфотографировать их тем более сложно — ведь они ведут ночной образ жизни, начиная свою деятельность с позднего вечера и заканчивая рано утром.

Но если вдруг повезет и вы увидите бобра — встреча будет незабываемой.

Миша ПОЛЬНИКОВ
Фото автора

Наступил октябрь. Дни все короче, погода все переменчивей. То по-осеннему поливает холодный дождь, то ветер с севера наносит темно-синие тучи.

Уже много лет, лишь наступает осенняя пора, я выезжаю в Костромскую область. Есть особая красота в этих днях. Мне нравится бродить по лесам, где за целый день порой не встретишь ни одного человека. Но зато случаются надолго запоминающиеся встречи с большими и мелкими лесными обитателями. Мне

Воробьиный сычик.

удавалось видеть здесь не только кабанов, лосей и лис, куниц и норок, но и волка, и медведя.

Неоднократно встречал я

в этих местах бурундуков, которых прежде наблюдал лишь на Дальнем Востоке да на берегах Лены.

Но как же они непохоже ведут себя по сравнению со своими дальневосточными собратьями. На Дальнем Востоке зверьки эти многочисленны, шумны и даже несколько нахальны. Все время шелестят опадающей листвой, скачут по бурелому, набивают кедровыми орехами защечные мешки. Чуть приблизишься к ним — громко цыкают — ругаются.

Здесь же, под Костромой, бурундук — зверь редкий, живет тихо и незаметно. И сколько я ни старался побольше узнать о повадках здешних обитателей, мало в этом преуспел.

Следы бурундуков, похожие на следы маленьких белочек, я встречал неоднократно. Видел и самих зверьков, когда уже выпали снега, и когда им положено было впадать в зимний сон. Но местные бурундуки очень быстро прятались от меня в зарослях. Ни погрызов, ни нор, ни жилых бурундуковых дупел мне не попадалось. Как они здесь живут, чем питаются — оставалось только гадать.

Интересно и птичье население этих мест. В районе реки Унжи утки и другие водные птицы готовятся к отлету. Вот пролетел табунок морской чернети, поднялась из-под берега осторожная кряква.

В лесу часто встречаются тетеревиные: глухари, тетерева и рябчики. И если знать их повадки, можно отыскать места ночевки, подолгу наблюдать птиц на кормежке. Живет здесь и белая куропатка. Правда, увидеть ее удастся очень редко. А на кочковатых ягодниках, где она держится, следов ее пока не остается.

Посланцы севера налетают в эти места огромными стаями. Особенно, когда выдается урожай рябины или вершины елок отягощают гирлянды янтарных шишек. Тогда можно наблюдать не только снегирей и чечеток. Серебристые голоса свиристелей звенят по садам и оврагам. Иной раз можно высмотреть молчаливых флегматичных щуров. Да и местные дрозды-рябинники не думают покидать родные рощи. Крикливыми стаями облепляют они рябиновые деревья, оспаривая у северных гостей право на урожай.

Но, пожалуй, наиболее интересны эти места тем, что здесь можно встретить многих редких сов. До сих пор тут гнездится филин. Несколько весен назад нам удалось наблюдать брачные игры этих птиц. И в прошлую весну я рад был услышать уханье филина, раздававшееся из глубины старого бора. Частенько появлялись и редкие гости с севера — белые полярные совы. Крупные, светло-серой масти, длиннохвостые

неясыти не считаются в этих местах большой редкостью. Сколько раз удавалось их замечать под вечер на лесных опушках или на стогах среди лесных полей. Видел я здесь и ястребиных сов, которых в центральных областях больше нигде не встречал.

Ну а ушастые, болотные совы и серые неясыти попадают на глаза особенно часто.

Лишь сычи почему-то избегают этих мест. Мохноногий сыч за все время дал о себе знать лишь дважды. А наиболее интересного для меня воробьиного сыча я здесь ни разу не видел. Вы спросите, почему именно воробьиный сычик мне так интересен? Да потому, что совы — нелегкая для изучения группа птиц. Ведь жизнь большинства из них проходит ночью. И мы можем лишь гадать, что делает совушка, когда слышим в темноте ее жутковатый крик.

годами собирал я сведения о разных птицах, конечно, и о совах. Есть у меня зарисовки отпечатков огромных когтистых филиновых лап. Видел следы белой совы.

По следам я понял, что крупные совы, опустившись на землю или снег, бродят по нему мелкими шажками. А мохноногий сыч передвигается по земле скачками.

Удалось выяснить, что ушастая сова, отлавливая возле свалок грызунов, довольствуется мышами да полевками, а вот крыс хватать избегает, по крайней мере, когда есть более легкая добыча. Поймав грызуна, сова съедает его тут же.

А вот воробьиный сычик — самая наша маленькая сова.

Когда-то давно я несколько раз встречал сычков даже под Москвой. У меня до сих пор сохранилась фотография, где мы, члены кружка биологов Московского зоопарка, проверяем кладовую сычика в дупле невысоко над землей. Я был уже рослым парнем и моя рука не пролезала в узкое отверстие дупла. А разрушать его не хотелось. В нашем кружке была девочка Эля. Пришлось ей встать мне на плечи и, сложив узкую ладошку трубочкой, проникнуть в совиный склад. Там, как в холодильнике, лежали три полевки и одна синичка-гаичка. Ос-

мотрев добычу пернатого охотника, мы положили ее обратно в дупло.

Почему же в костромских лесах я ни разу не встретил сычика? Все это осталось для меня загадкой. Ведь, казалось бы, все условия для его существования здесь есть: и обширные участки хвойных лесов таежного типа, и большие популяции мышевидных грызунов и мелких зимующих птиц, и наличие старых деревьев с дуплами. Есть здесь даже немало скворечников, развешанных по лесам. А в них, как известно, сычики охотно селятся и устраивают кладовые. Не знаю, удастся ли мне обнаружить эту сову или ее следы нынешней осенью?

В. ГУДКОВ
Рис. автора

Бурундуки.

КРАЧКИ

КРАЧКА ПОЛЯРНАЯ

Наверное, не все отличают крачек от чаек. Кружат себе и кружат белые птицы над водой, одни побольше, другие поменьше. В народе чайку называют «мартын», крачку «мартышка», то есть маленькая чайка. Но стоит взглянуть чуть внимательнее, и крачку с чайкой вы уже не спутаете. Хвост — с выемкой, «вилкой», как у ласточки, на голове черная «шапочка» (у чаек голова либо белая, либо целиком темная). Но главное отличие — по-

лет — легкий, порхающий. Еще характерна для крачек манера останавливаться в воздухе, трепеща крыльями. Звуки, издаваемые крачками, разнообразны и включают множество криков, различных для ухаживания, общения с птенцами, конфликтных ситуаций. Название крачки произошло от крика тревоги, который похож у разных видов и звучит как «Кр-р-р». Почему именно от крика тревоги? Очень просто. Этим криком крачки встречают человека, подходящего к их колонии, а прочие звуки случайному наблюдателю редко удаются услышать.

Мое знакомство с крачками началось с заповедных Айновых островов, что в Баренцевом море. Там гнездится самая грациозная представительница семейства — полярная крачка. Меня поразила полет этих птиц. Длинные крылья, кажется, совсем без усилий несут по воздуху маленькое тельце. Взмах крыльями вверх — и птица будто провалилась в воздушную яму, взмах вниз — и, словно оттолкнувшись от невидимого упора, взмыла вверх, снова вниз, снова вверх — как бабочка. Вдруг неуправляемое движение — и с неподвижными крыльями вираж в

Прилетевшие на гнездовые полярные крачки несколько дней держатся на литорали — участке берега, который открыт во время отлива и скрывается под водой в прилив.

сторону. Поднявшись в воздух по тревоге, колония полярных крачек всегда напоминала мне стопку бумажных листков, подхваченных ветром.

К слову сказать, полярной крачке принадлежит рекорд длительности сезонных перелетов. Эта небольшая птичка, гнездящаяся на островах и побережье Северного Ледовитого океана, летит зимовать в Антарктиду, где в это время стоит суровое, полярное, но все же лето. Так что свое название — полярная — эта крачка оправдывает круглый год.

Остров Большой Айнов — птичье заповедное царство. Ежегодно там живут и выводят птенцов свыше двадцати тысяч птиц более чем сорока видов. А ведь остров только называется большим. На самом деле его можно обойти за два часа.

Весной полярные крачки появляются на Айнове, когда большинство его обитателей уже сидит на гнездах. Точнее говоря, это происходит уже летом — в июле. Но там, за Полярным кругом, в это время только травы пускаются в рост. Да, да, несмотря на весьма северное положение, Айновы острова могут похвастаться не только типичными для тех широт тундрами, но и лугами со злаковым разнотравьем, и зарослями зонтичных выше человеческого роста. Причиной тому — теплое течение Гольфстрим.

Так вот. В один прекрас-

ный день на Айнове появились новые обитатели — пять полярных крачек. На следующий день их было уже двенадцать, потом двадцать одна — стая росла с каждым днем. Крачки не сразу приступили к гнездованию. Несколько дней держались стаями на литорали — участке берега, который открыт во время отлива и скрывается под водой в прилив. Там происходили брачные игры и создание пар. Вот как выглядит свадебная церемония. Самец и самка, стоя напротив друг друга, поднимают хвосты, опускают крылья почти до земли и вытягивают вверх шеи. Стоя в таком положении, партнеры поочередно вскидывают и опускают головы. Потом, не меняя позы, начинают кружить друг вокруг друга. Делают они это быстро и плавно, а не переваливаясь с боку на бок, как обычно при ходьбе. При этом белые крылья птиц почти касаются земли. Ну чем не свадебный вальс в белых одеждах!

Самый ответственный и самый красивый этап брачного ритуала, сопровождаемый стрекочущим криком, — так называемый рыбный полет. Самец ловит рыбку и, держа ее в клюве, планирует над сидящими на берегу крачками. Очень скоро к нему присоединяется самка и полет продолжается вдвоем. Иногда за самцом устремляются сразу две или три самки, но «лишние» скоро отстают. Токующая пара носится над морем и берегом быстрым планирующим полетом, причем движения партнеров — редкие взмахи крыльев и повороты — удивительно синхронны. В течение всего брачного поле-

та слышно звонкое, затихающее лишь на мгновения, стрекотание самца и тонкий писк самки, выпрашивающей рыбку.

Я обратила внимание, что токовые полеты и другие ритуалы ухаживания у крачек не прекращаются с началом гнездовой жизни, а продолжают все лето, вплоть до отлета птиц с острова. Конечно, семейные заботы оставляют для них немного времени. Но все же супруги находят возможность оказывать друг другу внимание не только в быту — постройке гнезда и воспитании детей.

Нет-нет и вспомнят они пору ухаживания, вновь встанут в красивые позы, да и станцуют вальс, сделают себе подарок.

Мне рассказывали, что несколько лет назад крачки гнездились в тундре. Там очень удобно утоптать ямку и положить в нее яйца. К сожалению, с увеличением числа гнездящихся на острове крупных чаек крачкам пришлось уйти с вороничников. Во-первых, чайки сами предпочитают гнездиться в удобных местах и никого другого туда не пускают. А во-вторых, такое соседство крачкам далеко не безопасно. Ведь чайки по натуре своей — хищницы. Чтобы уберечь яйца и птенцов, крачкам приходится держаться от них подальше. Когда чайки заполнили остров, перед крачками встала дилемма: перестать гнездиться тут или найти какой-нибудь

выход. Выбрали второе. Выражаясь по-научному, проявили экологическую пластичность.

Теперь полярные крачки гнездятся на лугу с густой травянистой растительностью. Во-первых, более крупные чайки не претендуют на него, во-вторых, в траве можно хорошо спрятать гнездо. Однако во влажные годы едва ли не большая часть птенцов-пуховичков гибнет, намокая в зарослях; подросшие птенцы запутываются в густой траве и ранят крылья. Но выбирать не приходится.

Время идет своим чередом. У большинства пар яйца отложены; птицы сидят на гнездах. Обычно в гнезде крачки два яйца.

Писк голодного птенца вызывает у взрослой крачки желание его покормить.

Реже три или одно, в зависимости от того, насколько благоприятно складываются внешние условия, в первую очередь, достаточно ли корма. Окраска яиц бывает разной — от чисто голубой до коричневой с темными пятнами, но чаще встречается буровато-оливковый тон.

В период насиживания погибает около четверти кладок — в основном от хищничества чаек. Но иногда крачки просто бросают гнезда. Не раз я находила совсем холодные яйца: птицы больше не прилетали к этим гнездам. В чем смысл такого нерадивого поведения? Ведь потрачено время, силы и вот так просто бросить все, погубить яйца, где уже запущен механизм новой жизни! Смысл есть. Птицы бросают гнезда не по прихоти и не от лени, а если

кто-то их сильно напугал, обычно, когда гнездо обнаружено хищником. Не сегодня, так завтра, улучив момент, хищник все равно разорит его. Поэтому лучше начать строительство заново, не тратя драгоценное время. Ведь только в течение десяти дней после начала высидывания крачки сохраняют способность откладывать яйца. Потерявшие кладку в более поздний период птицы пытаются насиживать чужие яйца, что далеко не приветствуется их владельцами. После более или менее продолжительных междуусобиц крачки-хозяйки прогоняют непрошенных помощников. Но однажды случилось наоборот. Драки продолжались около шести часов и, наконец, хозяйки были оттеснены. Еще сутки они держались возле гнезда, на котором непоколебимые пришельцы поочередно насиживали их кладку, потом окончательно сдали позиции.

Был еще один случай. Но сначала небольшое отступление. Наблюдатель должен узнавать птиц «в лицо». Для непродолжительных наблюдений в течение одного гнездового сезона достаточно нанести на белое оперение крачки цветное пятно несмываемой краской (только такой, которая не склеивает, не изменяет структуру пера). После этого жизнь колонии уже не выглядит суматошной и беспорядочной. Вот зеленый самец с пятого гнезда подрался с розовым с восемнадцатого (все гнезда в колонии, по мере их появления, я метила кольщиками с номерами). Вон желтая самка, хозяйка погибшего седьмого гнезда пытается реализовать нево-

стребованные родительские чувства на тридцать первом, синяя хозяйка которого бурно выражает свой протест при активном содействии некрашеного супруга. Цветное пятно может быть достаточно большим, но до известных пределов. Перекрашивать всю птицу или, скажем, полптицы не следует — ее перестанут признавать за свою и подвергнут изгнанию из колонии. Нельзя метить ярко-красным цветом. Он действует, извините за каламбур, как красная тряпка.

Вырезав из поролоновой губки подобие яйца, я пропитала его красящим раствором и стала подкладывать в гнезда. Увы! Так удалось пометить совсем немного птиц. Обычно, прежде чем сесть на гнездо, крачки брезгливо выбрасывали из него мое изобретение. К слову сказать, чайки оказались не очень придирчивы — я успешно метила их таким образом.

Наблюдения за колонией я проводила из брезентового укрытия, которое ставила на переносную подставку двухметровой высоты. Крачки согласились, что это очень удобный наблюдательный пункт, и одна-две птицы почти всегда сидели рядом со мной, отделенные брезентовой стенкой. Незаметно приподнимая ее, я наловчилась метить соседок цветной струей из шприца. Но самым удачным изобретением оказалась метка при помощи «паука» — каркаса из двух перекрещенных проволочных дуг. В месте перекрещивания подвешивал сосудик с краской. Дернув за ниточку, протянутую в мое укрытие, его можно было перевернуть и вылить краску на птицу. Крачки совсем не пугались

— мало ли что может капнуть сверху, когда живешь в густонаселенном месте. Пять красителей в совокупности с вариациями размеров, формы и местоположения цветных пятен позволяли узнавать «в лицо» значительную часть моих подопечных.

Насиживает кладку оба родителя, но самка все-таки больше. Смена партнеров на гнезде — целый спектакль. В общих чертах он выглядит так. Самец, держа в клюве рыбку и издавая стрекочущий крик, совершает несколько кругов над гнездом и садится рядом, не переставая кричать. Самка, сидя на гнезде, прижимается к кладке, закидывает голову и тоненько пищит. Получив рыбку, съедает ее и улетает. Самец занимает ее место.

Существует еще один ритуал смены партнеров — с побочным строительством. Так называют строительные движения, не имеющие прямого отношения к постройке гнезда. Стрекочущий

Высмотрев добычу-рыбку, крачка зависает над ней, трепещет крыльями, и бросается в воду вниз головой.

самец описывает несколько кругов над гнездом и, продолжая стрекотать, опускается рядом. Самка, издавая просящий крик, встает с гнезда и отходит от него, подбирая травинки и бросая их в разные стороны. Если насиживал самец, он бросает травинки молча. Это особенность мужского характера. «Птенцовый» писк — выпрашивание корма и заботы — привилегия самки. Самец всегда помнит свою принадлежность к сильному полу, обязанности кормильца и защитника.

Через три недели после начала высидывания в гнездах крачек появляются пушистые буровато-оливковые птенцы в темную крапинку и в белой манишке. Забот у родителей сразу прибавляется. Первым делом нужно вынести и выбросить подальше от гнезда

яичную скорлупу, а то ее белая внутренняя поверхность слишком заметна и может привлечь к гнезду хищников. Заботятся о потомстве оба родителя, причем самец больше кормит, а самка больше греет. Если нет необходимости обогревать малышей, самка часами может просто сидеть около гнезда. Заботливый отец в это время без устали носит маленьких рыбешек. Но как ни мала добыча, новорожденный птенец часто не может справиться с ней сразу. Взрослая птица терпеливо ждет, когда малыш проглотит добычу или, по крайней мере, большую ее часть. Порой у птенца из клюва долго торчит рыбий хвостик. Уронит птенец рыбку — взрослая крачка ее поднимет и предложит ему снова. Опять уронит — предложит старшему птенцу, если есть такой (разница в сроках вылупления в одном гнезде бывает до трех суток). Иногда прилетевший с кормом самец передает его самке и, не тратя времени, летит за новой добычей. Самка же кормит малышей, а иногда, если проголодалась, может перекусить и сама. Детей стараются кормить по очереди. Хотя подчас эту очередность сами птенцы и определяют: кто самый голодный — громче пищит, активнее машет крыльшками и тем самым сильнее влияет на родительские чувства. По мере взросления птенцов родители становятся менее внимательными к процедуре кормления. Оперяющимся молодым корм часто передают, не опускаясь на землю, зависая в воздухе на манер колибри; иногда бросают рыбку на лету.

Птенцы узнают родителей по голосу. Даже если в мо-

мент прилета отца малыш уютно грелся под крылышком крачки-мамы, он немедленно выскакивает, услышав знакомый голос, пищит, хлопает крыльшками, вытягивает шею, раскрывает клюв — в общем, делает все, чтобы показать, как быстро его нужно покормить. Но если к гнезду с самыми добрыми намерениями подлетает чужая крачка, будь птенец хоть трижды голоден, рыбку он не возьмет. А подросшие птенцы даже активно прогоняют непрошенных благодетелей. Крачки, потерявшие своих птенцов, часто пытаются кормить чужих, но им приходится проявлять максимум упорства, чтобы сломить сопротивление маленьких упрямец. Если взрослым хватает терпения, через некоторое время птенцы привыкают к приемным родителям, начинают узнавать их голоса и реагируют как на родителей. Я наблюдала выводки, которые кормили по три или четыре взрослые птицы.

На первый взгляд, строптивость птенцов выглядит нелогичной. Ну почему бы не брать корм у любой крачки — что в этом плохого? Оказывается, нельзя. Если кормить первого попавшегося птенца, то получать корм будут самые шустрые — старшие по возрасту. А те, кто помоложе и послабее, будут оставаться голодными.

Ну а что же взрослые птицы, спросите вы? Отличают ли они своих птенцов от чужих? По сигналу тревоги, поданному взрослыми птицами, птенцы уходили из гнезд, прятались в траве и возвращались только после восстановления покоя в колонии. Начиная с двух-, трехсуточного возраста они

все время проводили уже не в гнездах, а на определенном окологнездовом участке, который бдительно охраняли от соседей крачки-родители. Но вот что интересно: у многих птенцов появлялась охота к перемене мест, и тогда они отправлялись в длительные путешествия по колонии и даже выходили за ее пределы. Иногда родители отыскивали их и начинали кормить на новом месте, иногда они присоединялись к чужим выводкам, где их, как ни странно, безоговорочно принимали. Разница в возрасте своих и приемных детей не имела значения. Однажды из своего укрытия я наблюдала, как десятидневный птенец подошел к гнезду, где крачка грела своих двухдневных. Юный путешественник залез ей под крыло, минут десять погрелся, вылез и пошел своей дорогой. Крачка, повернув голову, проводила его взглядом. Этим ее реакция и ограничилась. В другой раз я подобрала возле колонии двадцатидневного птенца, поранившего крыло о траву. Обработав ранку, я посадила его в гнездо с двумя птенцами приблизительно того же возраста. Родители сразу начали кормить приемыша наравне со своими. Через день их собственные птенцы покинули гнездовой участок. Родители стали кормить их на новом месте, но и оставшемуся приемышу регулярно приносили корм. Аналогичные результаты дали и другие опыты по пересадке птенцов разного возраста. Ничего подобного я никогда не наблюдала у других чайковых птиц; чужих птенцов они всегда прогоняют со своих гнездовых участков.

Шло время. Птенцы выросли. Теперь они отличались от взрослых крачек только коротким хвостом, белым лбом и черным цветом клюва. Кричать взрослому еще не научились, по-прежнему тонень-

Оперившиеся птенцы покидают гнездо. Крачки-родители отыскивают и кормят их в разных уголках колонии.

ко пищали, выпрашивая корм у родителей. Гнездовой период заканчивался там же, где начинался — на литорали. Сюда взрослые крачки вывели свою молодежь. Здесь каждый выводок выбирал и сохранял определенный, хоть и совсем маленький, размером со стол, участок берега. Молодые крачки поднялись на крыло и мало-помалу стали обучаться искусству лов-

ли рыбы. Гнездование закончилось, а заодно закончилась и моя командировка. Но не закончилось увлечение крачками. Мне хотелось посмотреть, как строят свои отношения в колониях крачки других видов. Этому будет посвящен следующий полевой сезон.

Н. АНЗИГИТОВА,
кандидат биологических наук
Окончание следует

Рис. В. Горячевой

Записки натуралиста

ПРОСТОФИЛЬКА

Всю осень кофейно-бурый, полосатый, словно тюфячок, непоседа бурундучишка копил себе на зиму пропитание. Зима-то ведь в тайге длинная, морозная, вьюжная. Не припаси орехов, сушеных грибов, да всякого рода зернышек заранее, того и гляди: лапки протянешь. Этот суровый закон лесной жизни зверек хорошо знал и время попусту не тратил.

Возле старой черемухи, на склоне овражка, торчал толстый отрухлевший пенек. В нем было просторное сухое дупло. И бурундук, недолго думая, облюбовал его под свою кладовушку.

По ночам зверек-хлопотун всласть отсыпался в заброшенном беличьем гнезде, а утром чуть свет принимался за дело. Перепрыгивая с ветки на ветку на вершинах кедров, он сбрасывал оттуда крупные побуревшие шишки. Затем старательно вышелушивал из них спелые, налитые маслом орешки и украдкой, подальше от лишних глаз, прятал их в дупло-ухоронку.

Время шло. Цветистой метелью осыпалась листва с берез, рябины и черемух, зачастили крепкие морозцы-утренники. Ягод в тайге поубавилось, грибов не стало. Однако теперь ни мороз, ни снег, ни бескормица уже не пугали бурундучишку. Пенек-кладовая у него буквально ломилась от кедровых орехов.

— Бу-ру-рун-тук, бу-ру-рун-тук! — тихонько, но самодовольно весело покрикивал иногда зверек, суетясь в овражке.

Кому-либо постороннему вход сюда был категорически запрещен. И если ненароком заскакивала в овражек белочка или появлялся другой пришлый бурундук, то, зорко оберегая свои владения, хозяин кладовки тут же вступал с ними в отчаянную схватку.

Но вот однажды проснувшись в теплом гнездышке, зверек услышал внизу сопение, хруст, чье-то глухое урчание. Наверняка пожаловал какой-то незваный гость. Тревога! И птицей взмахнув из гнезда на обомшелый сучок, бурундучишка окаменел от испуга. Замер. В предрассветной мгле вок-

руг черемухи топтался здоровущий медведь-бродяга. Вздвигнувшись во весь рост, он, словно баграми, загребал передними лапами жидкие ветви позолотевшего дерева и с причмокиванием обсасывал гроздь черных ягод.

— Трум-бурум! — робко произнес бурундук.

Но косолапый даже не оглянулся. И тогда зверек осмелел. Опасаясь за сохранность своей кладовки, он спрыгнул с ели на валежину. Потом уселся сзади медведя на пенек и сердито как бы начал браниться.

И, видимо, поняв угрозы маленького храбреца, медведь лениво повернул голову через плечо. Увидел негодующего бурундучишку на пне, вдруг насторожился. Навострил уши. Облизал почерневшим от черемухи языком губы и, не сводя со зверька своих плутовато бегающих глаз, опустился на корточки. Бурундук заволновался пуще прежнего. Не находя себе места, он вихрем метался туда-сюда по валежине. Смело два-три раза обежал вокруг медведя, а потом опять очутился на верхушке пня. И «лесной хозяин» сообразил, в чем тут дело. Шурша листвою, мишка-бурач тотчас мохнатым клубком подкатился к полусгнившему пню. Осмотрел его, обнюхал. Ничего соблазнительного. А затем размахнулся — да трах лапищей. Пенек громыхнул, как бубен, и треснул. Из дупла, напоминая шоколадный горошек, струйкой посыпались кедровые орешки.

— У-уррк! — радостно рявкнул медведь, видя такое лакомство.

Живо опустошив бурундучью кладовую, косолапый медведь подался своей дорогой. А на разбитый пенек вскочил безутешный бурундук. Его горю не было конца-краю. Обхватив головку передними лапками, он закачался с боку на бок, и в лесной тиши послышались жалобные, похожие на плач звуки. А спросить бы его, кто виноват? Ведь никто другой, а сам же, простофилька, по недомыслию показал медведю свою ухоронку.

П. СТЕФАРОВ

ЕЖИ-АРТИСТЫ

Еж жил в дупле засохшей яблони. В сумерках он отправлялся на охоту, а днем забирался в дупло, зарывался в сухие листья и спал. Однажды сон его был нарушен — кто-то толкнул его в бок.

В целлофановый пакет ежа посадил молодой артист, избравший амплуа клоуна. Он знал, что другие комики цирка выступают с собаками, кошками, прославленные Дуровы разыгрывали сценки со свиньями. Молодой артист надумал выступить с ежами.

Восемь ежей, обитавших в старых садах, уехали в город. Нужно было позаботиться о их обустройстве и питании.

Вроде бы о ежах все известно — звери это не экзотические. Они насекомоядные, значит, поедают насекомых, могут расправиться с ядовитой змеей, об этом часто пишут. А как содержать их в неволе, как правильно кормить, чтобы они были бодр и здоровы?

Артист учел, что ежи — индивидуалисты, живут в одиночку, охотятся на своей территории, и каждому предоставил отдельную квартиру — клетку с дверцей-окошком.

Порой очевидное в поведении ежей раскрывалось для их хозяина неожиданно. Он надумал как бы жонглировать свернувшимися колючими шарами — подбросить невысоко и ловко поймать. Артист надел перчатки, чтобы не уколоться, подбросил ежа. Оказавшись в воздухе, еж сейчас же развернулся, чтобы опуститься на все четыре лапы. Конечно, иначе и быть не могло — инстинкт подсказывает ему поступить так, чтобы надежно «приземлиться». Ловить колючие шарики не удалось.

Еще одного не учел молодой артист. Занимался он с ежами после вечернего представления. Когда все расходились и было тихо, он выносил клетки с ежами на манеж, выпускал зверьков на ковер. Как-то решил показать, что они освоили, директору цирка, своим товарищам. В полдень собрались у манежа. Но ежи, которые ночью бывали проворны, сейчас еле двигались, застывали на месте.

Артист стал менять биоритмы их жизни. Занимался с ежами по утрам, чтобы они привыкли днем бодрствовать, спать ночью.

Молодой дрессировщик знал: для того, чтобы животные что-то проделывали, надо сделать их действия привлекательными

для них же самих. Ежи должны ходить по барьеру вокруг манежа. В самом начале они спрыгивали вниз и, притаившись, затихали. Тогда на барьер положили кусочки сыра. Обнаружив их, зверьки шагали дальше в поисках нового лакомства. Барьер стал для них привлекательным местом.

Чтобы прогулка ежей выглядела интереснее, артист придумал: они встречаются на пути большие воздушные шары, прокалывают их своими иголками и, освободив путь, продолжают движение. Одно смущало дрессировщика, что его подопечных испугает все новое, непривычное. Случалось — постелят на манеже новый ковер. Зверьки, оказавшись на нем, настороженно прилягивались, не решались и шагу сделать, сворачивались. Лишь привыкнув к новому покрытию, его запаху, чувствовали себя уверенно. Возникло опасение, что звук лопнувшего шара так напугает зверька, что он побежит в обратную сторону или вообще откажется подниматься на барьер.

Начинающего дрессировщика радовало, что ежи приспособились к новой обстановке, к шуму, к яркому свету и к тому, что юные зрители берут их на руки.

Клоун-дрессировщик, завоевав расположение ежей, обучил их многому. Они не только прокалывали шары, но уверенно балансировали на них, возили тележки, прыгали с шеста на амортизатор, которым служил подол рубахи клоуна.

Иногда дрессировщик задумывался, а хотел бы Шустрик вернуться в свой заросший сад? Там он и другие ежи забирались порой в свое дупло или норку полуголодными, мерзли, испытывали жажду, им грозили нападения собак, лис, иные беды. А тут их всегда вкусно накормят, если надо, подлечат, уберегут от всех невзгод. И дрессировщик считает так: если ежи здоровы, бодр, жизнерадостны — значит, им хорошо.

К. ГАНЕШИН

ЛИСЬИ ЗАБАВЫ

Мы возвращались с охоты. Были уставшие и злые. Охота не удалась да и погода стояла скверная, октябрьская.

А вчера даже представить не могли, что погода так резко испортится. Серега — приятель мой — вечером пришел ко мне и заявил:

— Северная утка валом валит. Может, смотаемся?

Ну какой же охотник откажется от такого заманчивого предложения. Тем более, «утка валом валит». Из дома выехали еще потемну.

У Сереги мощный мотоцикл «Урал». Проселочная дорога петляла возле колков. Иногда встречались лужи, которые Сергей старательно объезжал. И когда мы проехали половину пути, из-за туч вдруг выглянуло солнце. Оно было такое яркое, что сразу стало теплее и радостнее.

Дорога шла вдоль опушки длинного колка. И только мы колок миновали, как слева увидели ее, Патрикеевну. Она сидела возле небольшой ветвистой березки и грелась на солнышке.

— Лиса! — толкнул я приятеля.

— Надо же, — удивился Сергей, останавливая мотоцикл. — Ну здравствуй, Патрикеевна!

Лиса, казалось, даже не обратила на нас никакого внимания. Как сидела, так и продолжала сидеть. Я видел, как загорелись у охотника глаза. Сергей все еще смотрел на зверя и удивлялся.

— Ладно, пусть греется, поедем, — говорю. — Все равно ее не возьмешь.

Наши ружья были зачехлены и лежали в люльке под брезентом. Конечно же, кумушка не станет ждать, пока мы их будем собирать.

— Подожди, — Сергей быстро сбросил

с люльки брезент, достал свое ружье, собрал его и зарядил.

Лиса продолжала сидеть. Она по-прежнему нас не замечала. И хоть до нее было не больше восьмидесяти метров, стрелять смысла не было. Едва ли дробь причинит ей вред на таком расстоянии.

Я сидел на заднем сиденье и усмехался. Мне было интересно, чем же все это закончится. Об этих плутовках я знал много, а слышал еще больше. Хитрость хитростью, но надо же иметь еще и смелость, выдержку. Не каждый зверь будет вот так сидеть возле охотников и ждать, пока его убьют. А эта лиса все еще сидела. Щенок, видимо, подумал я. Глупый еще, не знает человека.

Сергей, не спеша, не делая резких движений, направился не к лисе, а в противоположную сторону. Я его маневр понял: он хотел обойти лису и выйти к ней сзади. Однако едва охотник скрылся за березками, как Патрикеевна поднялась и не спеша скрылась в кустах.

«Захотел лису обхитрить, — подумал я о приятеле. — Пооди, поищи ее».

Я хотел было позвать Сергея, как он вышел на опушку.

— Где она?

— Только что в кусты юркнула. Поехали.

Но Сергей молча отправился в колнок. Он ходил теперь не таясь, иногда до меня доносился треск ломаемого валежника.

И тут снова появилась рыжая. Она вышла из колка и уселась на прежнее место. Патрикеевна поглядывала в мою сторону и грелась в лучах осеннего солнца.

Теперь уж и я не вытерпел такой наглости. Быстро собрал ружье, зарядил его и отправился следом за Сергеем, стараясь выйти лисе в тыл. Я шел так тихо и осторожно, что казалось, даже лиса меня не услышит. Однако, когда вышел из колка, ее не было.

«Ну, плутовка! — усмехнулся я над собой. — Ведь знал, что ее так просто не взять».

Я восторгался этим зверем, однако внимательно осматривал все кусты, густую траву. Где-то же рядом прячется. Не должна далеко уйти. В стороне бродил Сер-

гей и, конечно же, она слышала его тяжелые шаги. Может, нора у нее где? Нет, норы нигде не было. Тут подошел ко мне Сергей.

— Ты тоже не вытерпел?

— Понимаешь, она ведь снова на опушке выходила.

— А может, и теперь она там сидит, — сказал он и осторожно направился к опушке. Нет, на опушке лисы не было.

— Вот так, — говорю, — обхитрила охотников и теперь где-нибудь лежит в траве и посмеивается над нами.

— Пусть живет, — Сергей забросил за спину ружье. Огляделись, разыскивая валежину, на которую можно было бы присесть. В десяти шагах лежала толстая береза: это было старое дерево, у комля кора содрана и рыжая труха валялась на земле. Едва мы сделали три шага к березе, как из-за нее выскочила рыжая плутовка. Мы даже ружья не успели с плеч содрать, как она скрылась в густой траве.

Мы сидели на валежине и удивлялись. Оказывается, лиса отлеживалась на мягкой березовой трухе в десяти шагах от нас. Лежала, следила за каждым нашим шагом и терпеливо ждала: увидим мы ее или нет.

— Живи, Патрикеевна! — Сергей поднялся. — Поедем.

А. ИВАНОВ

ОБМАНУТЫЕ ГРИБЫ

Рыжик в Караканском бору под Новосибирском — редкий гость. Бор этот преимущественно сосновый, солнечный, с хвойной сухой подстилкой, а рыжик, как известно, любит сырые угрюмые ельники. Но в том году, когда лето и осень были дождливыми, теплыми, рыжик в здешних местах вдруг пошел такой мощной волной, какой не припомнят старожилы. Он пер на глазах, шапкой поднимая лесную подстилку, высыпал на хоженные тропинки и проезжие дороги, забирался в деревенские дворы и огороды. Люди отправлялись в лес уже не с корзинками, а катили за собой ручные тележки и коляски... И так продолжалось до заморозков, до первого снега.

Кажется, что же тут удивительного? Была благоприятная для рыжиков погода. Но... Известно, что рыжики, как и многие другие грибы, растут из грибницы — наподобие многолетних растений, с каж-

дой весной возрождающихся вновь от своего корня. Спрашивается: где находились грибницы рыжиков многие годы подряд, когда не только под забором, но во всем Караканском бору трудно было сыскать хотя бы один заваливающий рыжик? Ведь не одуванчик же это, семена которого в один момент может разнести повсюду ветром.

Каждому грибнику известно таинственное свойство грибов прямо на виду вдруг бесследно исчезать или, наоборот, появляться, выскакивать как из-под земли. Идешь утренним лесом, и все твоё существо сосредоточено на одном: вот сейчас под той сосной, среди коричневых шишек, похожих на взъерошенных воробьев, среди пожухлых осиновых и березовых листьев, ржавых иголок хвои промелькнет грибок... И правда! Да не какой-нибудь дряблый обабок, а настоящий боровик — с толстой, как клубень, ножкой, с вишневой шляпкой — словом, классический гриб-боровик. Да где же это ножик запропастился? Шарить в карманах, заглядываешь в корзину, а сам уже ощущаешь на ладони холодный, дымчатый от росы, резиново-упругий и тяжелый гриб, который и срезанный еще живет, благоухает, продолжая дышать утренним туманом... Ножик найден, а где же гриб? Нет его, исчез, сквозь землю провалился, и ползай хоть на животе, общупывай каждую шишку и хвоинку — ничего не найдешь.

Я мог бы привести множество примеров загадочного поведения грибов. Впрочем, чудеса иногда разрешались очень просто.

Как-то в начале зимы шел я на лыжах по Караканскому бору. Недавно выпал первый снег, дни стояли теплые, хотя и не было солнца. Низко нависали пепельные тучи, и в мягком матовом свете все вокруг напоминало незавершенную картину, на которую художник успел нанести только контуры сосен, пней, голых кустарников.

Снег был расписан строчками следов зверей и птиц. Они и привели меня на свежую вырубку, и я остановился, пораженный, перед торчавшим из снега гнилым пнем, на котором сплошьяком, желтой пеной «накипели» молодые, прекрасные до вызывающей дерзости опята. Не сон ли? Я дернул себя за ухо, уронил шапку, нагнулся, чтобы поднять, и увидел опят, растущих на земле, — желтые, в крапинку шляпки проступали сквозь пушистый снег.

Невольно вспомнилась сказка о злой мачехе, пославшей падчерицу в зимний лес за подснежниками. Разгреб снег до земли, усыпанной черными углями и золою. И обо всем догадался. Недавно работали здесь лесорубы, у этого пня раскладывали костер, земля глубоко прогрелась и опята обманулись кратким теплом...

Возвращаясь домой, нес за пазухой на целое жарено жарено грибов и думал о том, как рождаются сказки: даже самая дерзкая фантазия имеет земные корни.

П. ДЕДОВ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Н. Радаева. Карибу	1
Клуб Почемучек	6
В. Сергеев. Ведьмины кольца	15
С. Клумов. Говорят ли рыбы?	18
М. Мазуренко. В ожидании снегов	22
Сергей КУЧЕРЕНКО. Амбик с Амбицей и без нее. Повесть	25
Миша ПОЛЬНИКОВ. Если вдруг повезет	32
Вести с опушки	34
Н. Анзигитова. Крачки	36
Записки натуралиста	42

НАША ОБЛОЖКА:

На первой странице — медуза сцифоид; на второй — карибу; на третьей — южно-американский зеленый древесный удав; на четвертой — кистеухая, или речная, свинья.

В номере использованы фото из журналов «Audubon», «National geographic».

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор Б. А. ЧАЩАРИН
Заместитель главного редактора
Л. В. САМСОНОВА
Ответственный секретарь М. Н. ОСЕННОВА
Художественный редактор Н. Н. ОРЕХОВ

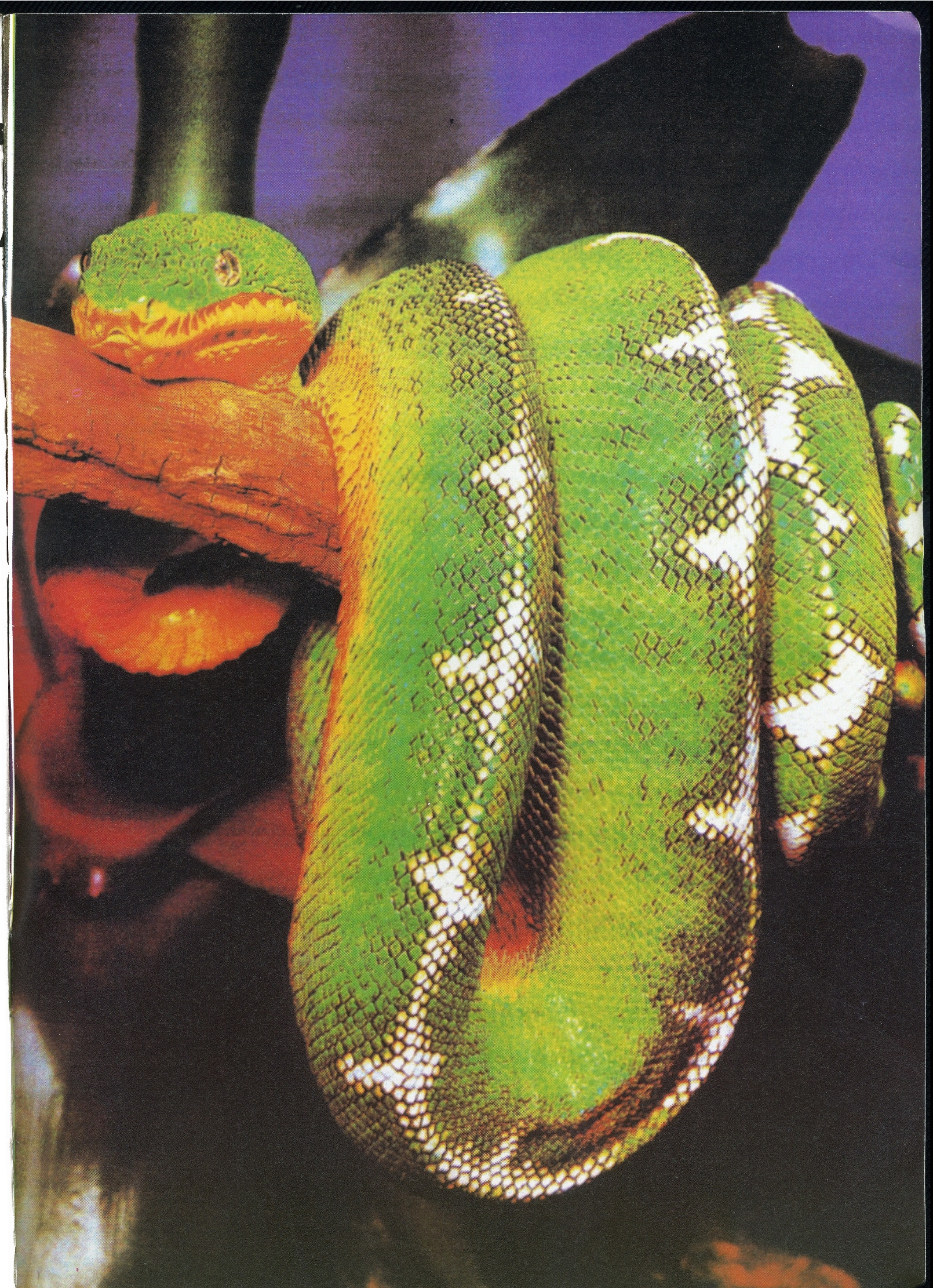
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 28.07.98. Подписано в печать 18.08.98. Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 3,9. Усл. кр.-отг. 16,9. Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 24700. Заказ 4130. Цена свободная. Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета Российской Федерации по печати 142300, г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336
Факс (272) 62-536

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации (№ 01602). Учредитель — ООО «Редакция журнала «Юный натуралист»».

«Юный натуралист», 1998, 1—48

Телефон 285-89-67

Индекс 71121

71380
(годовая
подписка)

Если можно говорить о красоте применительно к свиньям, то кистеухие, или речные, свиньи очень красивы. Белая полоса делит ярко-рыжую спину надвое. Так же белы волосы на морде и кисточках на ушах. Яркий окрас кистеухих свиней не случаен. Это помогает им найти друг друга. Встретившись, свинки картинно выгибают спину вбок и приветственно наклоняют голову. При этом уши с кисточками принимают горизонтальное положение: мол, наше вам с кисточкой!

Самцы всех кистеухих свиней наделены особой отметиной. Между глазами и носом у них вырастают костные бугры. У стариков они обретают вид двух небольших рожек, направленных назад. Это в придачу к не очень длинным, но острым клыкам. Последним штрихом к портрету кистеухой свиньи служит опять же кисточка, но уже на хвосте.

Африка к югу от Сахары и остров Мадагаскар — просторная родина кистеухих свиней. Предпочитают они кустарниковые заросли, лесные рощи, выходя порой и в открытые участки саванны, и на поля, где губят посевы арахиса, кукурузы. Достается также плантациям арбузов, винограда, ананасов. Как видите, не в одних апельсинах разбирается кистеухая свинья.

